

Дневник Коли Синицына

28 мая

У меня сегодня очень радостный день: занятия в школе закончились и я перешел в следующий класс с одними пятерками.

Завтра начинаются каникулы. Я задумал во время каникул вести дневник. Мама сказала, что подарит мне вечную ручку, если я буду вести дневник аккуратно. Я купил толстую общую тетрадь в синей обложке и решил аккуратно записывать в эту тетрадь разные интересные случаи.

Как только случится что-нибудь интересное, я сейчас же запишу.

Кроме того, буду записывать свои мысли. Буду думать о разных вещах и, как только в голову придет хорошая мысль, я тоже ее запишу.

Сегодня еще ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока еще не было.

29 мая

Сегодня тоже еще ничего интересного не случилось.

Мыслей тоже никаких не было. Наверно, это потому, что я все свободное время играл во дворе с ребятами и мне некогда было думать.

Ну ничего. Подожду до завтра. Может быть, завтра будет что-нибудь интересное.

30 мая

Сегодня опять ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока почему-то не было. Прямо не знаю, о чем писать! Может быть, мне просто выдумать что-нибудь да написать? Но это ведь не годится – в дневнике выдумки писать. Раз дневник, значит, нужно, чтоб все была правда.

31 мая

Сегодня у нас был сбор звена. Наш звеньевой Юра Кусков сказал:

– Ребята, вот уже началось лето, и нас отпустили на каникулы. Некоторые из вас, может быть, думают, что летом ничего делать не надо, только гулять, но

это не правильно. Пионеры даже на лето не прекращают своей работы, чтобы время не пропадало зря. Давайте придумаем на лето какую-нибудь интересную работу и будем делать все всем звеном.

Мы все задумались и стали придумывать на лето работу. Сначала никто ничего не мог придумать, потом Витя Алмазов сказал:

– Ребята, у нас при школе есть опытный огород. Может быть, нам на огороде работать? Юра говорит:

– Опоздали: уже эту работу второе звено захватило. Они уже посадили огурцы, и помидоры, и тыквы.

– Тогда давайте деревья в школьном саду сажать, – предложил Женя Шемякин.

– Спихватился! – говорит Юра. – Деревья надо ранней весной сажать. И к тому же у нас все деревья уже посажены. Больше сажать негде.

– Давайте всем звеном собирать почтовые марки, – сказал Федя Овсянников. – Я очень люблю собирать марки.

– Марки каждый может в отдельности собирать, а для звена это не работа, – ответил Юра.

– А то есть еще такая работа: собирать конфетные бумажки, – сказал Гриша Якушкин.

– Еще что выдумаешь! – ответил Павлик Грачев. – Ты еще скажешь – собирать спичечные коробки! Какая от этого польза? Надо такую работу, чтоб была польза.

Мы снова стали усиленно думать, но больше никому в голову ничего дельного не приходило. Юра сказал, чтоб мы еще дома как следует поразмыслили, а потом соберемся и обсудим, какие у кого будут предложения.

Дома я не сразу стал думать. Сначала я погулял во дворе с ребятами, потом пообедал, потом еще немножечко погулял, потом поужинал и еще чуточку погулял. Потом вернулся домой и стал писать дневник.

Тут мама сказала, что уже пора спать, и только тогда я вспомнил, что мне надо подумать о работе на лето. Я решил, что думать не обязательно нужно сидя. Думать можно и лежа. Сейчас я разденусь, лягу в постель и начну думать.

1 июня

Вчера я лег в постель и стал думать. Но вместо того чтобы думать о работе, я стал почему-то размышлять о морях и океанах: о том, какие в морях водятся киты и акулы; почему киты такие большие, и что было бы, если бы киты водились на суше и ходили по улицам, и где бы мы жили, если бы какой-нибудь кит разрушил наш дом.

Тут я заметил, что думаю не о том, и сейчас же забыл, о чем надо думать, и стал почему-то думать о лошадях и осликах: почему лошади большие, а ослы маленькие, и что, может быть, лошади – это то же, что и ослы, только большие; почему у лошадей и ослов по четыре ноги, а у людей только по две, и что было бы, если бы у человека было четыре ноги, как у осла, – был бы он тогда человеком или тогда он был бы уже ослом; почему осел маленький, а хвост у него большой, а слон большой, но хвост у него не такой уж большой; сколько из одного слона можно наделать лошадей или хотя бы ослов, и почему у слона хобот, а у человека нет, и что было бы, если бы у человека был хобот.

Тут я снова заметил, что опять думаю не о том, а сколько я ни пытался думать о деле, в голову лезла только одна чепуха. Оказывается, у меня какая-то упрямая голова: когда мне нужно думать об одном, она обязательно думает о другом. Я решил, что с такой головой лучше совсем не думать, и быстро заснул.

2 июня

Ура! Мама подарила мне вечную ручку! Вот теперь я буду писать этой ручкой. Только вот беда: ручка есть, а писать нечего! Целый час думал, о чем писать, и ничего не придумал.

Но я ведь не виноват, что никаких интересных приключений не было.

3 июня

Сегодня утром я вышел на улицу, смотрю – идет Гриша Якушкин. Я спрашиваю его:

– Куда ты идешь?

Он говорит:

– Я иду в школу на занятия кружка юннатов. Я говорю:

– Возьми и меня с собой. Он говорит:

– Пойдем.

Пошли мы вместе и по дороге встретили Юру Кускова. Он тоже шел на занятия кружка юннатов. Когда все юннаты собрались, наша учительница Нина Сергеевна, которая руководит кружком юннатов, повела нас в сад и стала показывать, как устроены цветы растений. Оказывается, в цветке имеются тычинки с пыльцой, и вот, если эта пыльца попадает с цветка на цветок, то из такого опыленного цветка образуется плод, а если пыльца на цветок не попадает, то из него никакого плода не получится. Разные насекомые садятся на цветку, пыльца прилипает к ним, и они ее переносят с цветка на цветок. Значит, насекомые помогают увеличивать урожай, потому что если бы они пыльцы не переносили, то плодов бы не получалось.

Больше всего увеличивают урожай пчелы, так как они собирают на цветах мед и по целым дням летают с цветка на цветок. Поэтому везде надо устраивать пасеки.

После занятия кружка юннатов Юра собрал сбор звена и стал спрашивать, кто что придумал. Оказалось, что никто из ребят ничего не придумал. Юра велел, чтоб мы еще хорошенько подумали, и уже хотел закрыть сбор звена, но тут Гриша Якушкин сказал:

– Давайте сделаем улей и будем разводить пчел. Мы все обрадовались. Нам понравилось это предложение.

– По-моему, это дело хорошее, – сказал Юра. – Пчелы приносят большую пользу – они не только делают мед, но и помогают увеличивать урожай.

– Ребята, – закричал Павлик Грачев, – мы прославимся на всю школу! Давайте поставим улей в саду, и у нас при школе будет пасека. Все звено наше прославится!

– погоди, – сказал Юра, – сначала надо сделать улей, а потом уже можно думать о том, чтобы прославиться!

– А как сделать улей? – стали спрашивать все. – Мы ведь не знаем, как он устроен.

– Надо у Нины Сергеевны спросить. Она, наверно, знает, – ответил Юра.

Мы побежали в школу, увидели Нину Сергеевну и стали расспрашивать ее про

улей.

– А почему вы ульем интересуетесь? – спросила Нина Сергеевна.

Мы сказали, что хотим разводить пчел

– Где же вы пчел возьмете?

– Наловим, – сказал Сережа.

– Как наловите?

– Руками. Как же еще?

Нина Сергеевна стала смеяться:

– Если вы станете ловить пчел по одной, то они не будут жить у вас, потому что пчелы живут только большими семьями, и каждая пчела улетит из вашего улья обратно в свою семью.

– Как же делают, если кто-нибудь хочет завести пчел? – спросили мы.

– Надо купить сразу целую пчелиную семью, или рой, – сказала Нина Сергеевна.

– А где они продаются?

– Можно по почте выписать.

– Как – по почте? – удивились мы.

– Нужно написать в какое-нибудь пчеловодное хозяйство, и оттуда могут прислать пчел в посылке.

– А где есть такое пчеловодное хозяйство?

– Вот этого я не знаю, – сказала Нина Сергеевна. – Но я постараюсь узнать и скажу вам.

Нина Сергеевна рассказала нам, как устроен улей. Оказалось, что улей – очень простая вещь. Это как будто большая деревянная коробка или ящик с дырой. Если в такой ящик посадить пчел, то пчелы будут в нем жить, строить из воска соты и приносить мед. Только соты они будут лепить прямо к стенкам ящика, и мед будет трудно доставать оттуда. Для того чтобы мед было легко доставать, пчеловоды придумали ставить в улей деревянные рамки с вощиной, то есть с тонкими листами воска. Пчелы строят соты на этой вощине, и, когда нужно достать мед, пчеловод достает рамки с готовыми сотами.

Мы решили с завтрашнего дня взяться за постройку улья. Толя Песоцкий сказал, что работать можно будет у него в сарае.

Юра сказал, чтоб каждый из нас принес какие у кого есть инструменты. Потом я пошел домой и стал думать о пчелах. Вот какая интересная штука! Оказывается, пчел можно посылать по почте. До чего только не додумаются люди!

4 июня

Утром все наше звено собралось у Толи Песоцкого в сарае. Витя Алмазов принес пилу, Гриша Якушкин – топор, Юра Кусков – стамеску, клещи и молоток, Павлик Грачев – рубанок и молоток, а я тоже принес молоток, так что у нас оказалось сразу три молотка.

– А из чего делать улей? – спросил Сережа. Тут мы все вспомнили, что у нас нет досок.

– Вот беда! – сказал Юра. – Надо доски искать.

– Где же их искать? – говорим мы.

– Ну, надо посмотреть, может быть, у кого-нибудь в сарае найдутся.

Мы все пошли искать доски. Облазили все сараи и чердаки, нигде не нашли.

Юра говорит:

– Пойдем к Гале. Может быть, она нам поможет. Мы пошли к нашей старшей пионервожатой Гале и рассказали ей обо всем. Галя сказала:

– Я попрошу у директора школы. Может, он разрешит взять те доски, которые после ремонта остались.

Она поговорила с директором, и он разрешил нам взять для улья четыре

большие доски. Мы приволокли их в сарай, и тут у нас закипела работа. Кто пилил, кто строгал, кто заколачивал гвозди. А Толя распоряжался и кричал на всех. Он воображает, что если мы работаем у него в сарае, то он может кричать на каждого. Я даже чуть не поссорился с ним из-за этого. Понадобился ему молоток, он и давай кричать:

– Где молоток? Только что у меня в руках молоток был, а теперь вот куда-то делся!

– Постой, – говорит Юра, – я только что забивал гвоздь.

– Куда же ты молоток сунул?

– Да никуда я его не совал!

– Вот ищи теперь!

– И ты ищи.

Они принялись искать молоток, но его нигде не было. Тогда все ребята бросили работу и стали искать молоток. Наконец нашли его у меня в руках.

– Что же ты стоишь тут, как чучело! – напустился на меня Толя. – Не видишь разве, что мы молоток ищем?

– Откуда же я знаю, что вы этот молоток ищете? Кажется, у нас три молотка.

– «Три молотка»! «Три молотка»! Вот попробуй найди их, когда тут и одного не сыщешь!

– Ну и нечего тут кричать! – говорю я. – Я тоже имею право забивать гвозди. Всем работать хочется.

Сегодня мы еще не успели сделать улей, потому что день кончился и в сарае стало темно.

5 июня

Ура! Улей уже готов! Вот он – я нарочно нарисовал его здесь на память. Внизу нарисован сам улей, а сверху – крыша. Снизу в передней стенке улья сделана дырка, чтобы пчелы могли вылезать. Эта дыра называется летком, потому что пчелы через нее вылетают из улья. Сверху имеется еще один маленький леток, для того чтобы, если какой-нибудь пчеле захотелось вылезти сверху, чтоб она могла вылезти. Возле нижнего летка прибита доска. Она называется прилетной доской. Пчелы на нее садятся, когда прилетают. Крыша сделана отдельно, чтоб

ее можно было снимать с улья, когда нужно доставать рамки. Кроме улья, мы сделали двенадцать рамок.

Юра ходил к Нине Сергеевне, чтоб спросить про пчел, но Нина Сергеевна еще ничего не узнала, потому что была очень занята. А вдруг Нина Сергеевна так и не узнает, где достать пчел, что тогда делать?

6 июня

Сегодня спрашивал у всех, не знает ли кто-нибудь, где достать пчел, но никто не знает. Целое утро я ходил скучный. Потом я вернулся домой, а к нам пришел дядя Алеша.

– Почему ты такой скучный? – спрашивает дядя Алеша. Я говорю:

– Я потому скучный, что не знаю, где достать пчел.

– А зачем тебе пчелы понадобились? Я рассказал, что наше звено решило устроить пасеку, только мы не знаем, где взять пчел. Дядя Алеша сказал:

– Когда я жил в деревне, у меня был знакомый пчеловод, который ловил пчел в лесу ловушкой.

– Какой ловушкой?

– Сделает из фанеры ящик с дырой, вроде скворечника, положит в него немного меда и повесит в лесу на дереве. Пчел привлекает запах меда. Если откуда-нибудь вылетит рой, он может поселиться в таком ящике, а пчеловод возьмет ящик, отнесет к себе на пасеку и посадит пчел в улей. Вот сделай такую ловушку, а когда поедешь с мамой на дачу, повесь в лесу, может быть, в ловушку попадет рой.

Я стал спрашивать маму, когда мы поедem на дачу.

– Не скоро, – говорит мама, – у меня отпуск в конце июля будет или, может быть, в августе.

Тогда я пошел прямо к Сереже и рассказал ему про ловушку.

Сережа говорит:

– Давай сделаем ловушку и будем ловить пчел у нас на даче. У нас там есть и лес хороший и река.

– А где ваша дача?

– В Шишигине, пять километров отсюда.

– А нам позволят там жить?

– Позволят. Там целый дом пустой. Одна тетя Поля живет.

Я сейчас же вернулся домой и стал проситься у мамы к Сереже на дачу.

– В Шишигине, пять километров отсюда.

– А нам позволят там жить?

– Позволят. Там целый дом пустой. Одна тетя Поля живет.

Я сейчас же вернулся домой и стал проситься у мамы к Сереже на дачу.

– Что ты, что ты! – говорит мама. – Как вы туда поедете? Еще под поезд попадете.

– Да туда вовсе не надо на поезде ехать. Это недалеко. Мы пешком дойдем. Всего пять километров.

– Ну, все равно, – говорит мама. – Как вы там будете жить одни? Одно баловство!

– И никакого баловства нет, – говорю я. – И жить будем не одни: там тетя Поля.

– Что ж – тетя Поля! – говорит мама. – Разве вы станете слушаться тетю Полю?

– Конечно, станем.

– Нет, нет! – говорит мама. – Вот будет у меня отпуск, поедем вместе, а то вы там в реке утонете, и в лесу заблудитесь, и еще я не знаю что будет.

Я сказал, что мы вовсе купаться не будем, даже подходить близко не будем к реке, и в лес не будем ходить, но мама даже слышать ничего не хотела об этом. До самого вечера я кланчил и хныкал. Мама пригрозила, что пожалуется на меня папе. Тогда я перестал проситься, но за ужином ничего не хотел есть. Так и спать лягу голодный. Ну и пусть!

7 июня

Утром я проснулся пораньше и снова стал тянуть вчерашнюю канитель. Мама сказала, чтоб я не надоедал ей, а я все надоедал и надоедал, пока она не ушла

на работу. Потом я пошел к Сереже, и он сказал, что уже договорился с Павликом и завтра они вдвоем отправятся на дачу, если я не смогу отпроситься. Мне стало завидно, что Сережа и Павлик отправятся без меня. Целый день я просидел скучный, и, как только мама вернулась, я принялся проситься с удвоенной силой. Мама рассердилась и снова сказала, что пожалуется папе, но я не унимался, потому что теперь мне уже было все равно. Наконец папа пришел, и мама пожаловалась ему. Папа сказал:

– Что ж тут такого? Пусть отправляется. Парень уже большой. Ему полезно приучаться самостоятельно жить.

Тогда мама сказала, что папа вечно мешает ей правильно воспитывать ребенка (это меня то есть), а папа сказал, что мама сама не правильно воспитывает меня, и они тут чуть из-за этого не поссорились, а потом помирились, и тогда мама пошла к Сережиной маме, и они сразу обо всем договорились. Сережина мама сказала, что на даче мы никому не помешаем, что тетя Поля за нами присмотрит и будет варить нам обед. Нам только надо взять с собой продуктов. Мама успокоилась и сказала, что отпускает меня на три дня, а если я буду вести себя хорошо, то снова отпустит. Я сказал, что буду вести себя хорошо.

Все ребята очень обрадовались, когда узнали, что мы отправляемся ловить пчел на дачу. Юра подарил нам свой компас, чтоб мы не заблудились в лесу; Толя дал перочинный нож; Федя принес нам походный котелок на случай, если мы сами захотим себе варить обед на костре. Потом мы достали фанеры и стали мастерить ловушку для пчел.

Ловушка получилась хорошая. Спереди мы сделали дырку и дверцу, чтобы закрыть ее, когда поймаются пчелы. А крышу сделали, как в улье, отдельно, чтоб ловушку можно было открыть и достать пчел.

К вечеру мама накупила разных продуктов – крупы, муки, масла, сахару, булок, консервов – и сложила все это в рюкзак, так что рюкзак у меня получился тяжелый. У Сережи тоже получился большой рюкзак. Но самый огромный рюкзак у Павлика. Он положил в него котелок и фляжку, и еще не знаю чего он туда напихал. Словом, у нас все готово. Теперь поскорей бы пришел вечер, а завтра мы проснемся – и сразу в поход в Шишигино.

8 июня

Ура! Мы уже в Шишигине. Я думал, какая там дача, а это, оказывается, просто деревянный дом, а вокруг деревья, даже забора нет, только столбы врыты. Должно быть, не успели сделать. Дом оказался на замке, и в нем никого нет.

Тетя Поля куда-то ушла. Мы ее ждали, ждали, а потом решили, чтоб не терять времени зря, пойти в лес и повесить ловушку. Пошли в лес, положили в ловушку меду и повесили ее на дерево. Потом отправились на реку купаться. Вода в реке была холодная. Мы купались, купались, пока не посинели от холода. Потом нам захотелось есть.

Мы вылезли из воды, разожгли на берегу костер и стали варить обед из консервов. После обеда мы вернулись на дачу, но тетя Поля еще не пришла. Павлик сказал:

– А что, если нам найти в лесу дупло с пчелами? Мы сразу поймали бы целую пчелиную семью.

– Как же найти дупло? – говорю я.

– Давайте следить за какой-нибудь пчелой, – предложил Павлик. – Пчела наберет меду и полетит в свое дупло, а мы побежим за ней и узнаем, где живет пчелиная семья.

Мы заметили на цветке пчелу и стали следить за ней. Пчела летала с цветка на цветок, а мы ползали за ней на четвереньках и не выпускали ее из виду.

От ползанья у меня заболели и руки, и ноги, и спина, и шея, а пчела все работала и не думала никуда улетать. Наконец Сережа сказал:

– Наверно, пчелы позже полетят к себе в дупло. Давайте пойдем еще искупаемся, а потом снова будем следить за пчелами.

Мы опять пошли на реку и стали купаться. Купались, купались, а потом увидели, что день уже скоро кончится. Тогда мы вернулись на дачу, а тети Поли все еще не было.

– Может быть, она куда-нибудь уехала и не вернется сегодня? – говорю я.

– Вернется, – говорит Сережа. – Куда она могла уехать?

– А вдруг не вернется? Пойдем лучше домой.

– У меня и так уже ноги болят, – говорит Павлик. – Я никуда не пойду.

– Где же ты ночевать будешь?

– Можно пойти на соседнюю дачу и попроситься, чтоб пустили переночевать, – сказал Сережа.

– Зачем на соседнюю дачу? – говорит Павлик. – Построим шалаш и переночуем здесь.

– Верно! – обрадовался Сережа. – В шалаше даже интереснее. Я ни разу еще в шалаше не ночевал.

Мы тут же взялись за постройку шалаша. Павлик велел нам наломать зеленых веток, а сам взял четыре шеста, поставил верхушками друг к другу, чтоб они стояли пирамидкой, и стал обкладывать вокруг ветками. Когда шалаш был готов, мы натаскали в него сухого мха, а под головы положили рюкзаки с продуктами. В шалаше получилось тесновато, но зато очень уютно.

Мы решили больше никуда не ходить, потому что очень устали. Подумать только, сколько мы сегодня ходили: из города шли, в лес ходили, на реку ходили, обратно с реки на дачу ходили, потом опять в лес, опять на реку, опять обратно на дачу. Потом еще шалаш строили. Какой-нибудь нормальный, простой человек за месяц столько не ходит, сколько мы за один день!

Сейчас мы сидим на крылечке и отдыхаем. Я пишу дневник своей вечной ручкой, а Сережа и Павлик любуются на шалаш. Вечер такой тихий, хороший! Ветра нет. Деревья ветками не машут. Только на осине листья дрожат мелкой дрожью. Они как будто серебряные. На небе ни облачка. Красное солнышко заходит за лесом. Вот пастухи уже гонят колхозное стадо домой. Коровы не спеша шагают по дороге. Их много: штук пятьдесят, наверно. Черные, бурые, рыжие, пегие и даже какие-то розовые, вернее сказать – телесного цвета, а есть и пятнистые. Всякие есть! Вот солнышко уже наполовину спряталось. Сейчас мы залезем в шалаш и будем спать. Еще, правда, светло, но скоро стемнеет. Не сидеть же нам до самой темноты под открытым небом, если у нас свой шалаш есть!

Сейчас я запишу про то, что случилось ночью. Павлик оказался хитрый: он первый залез в шалаш и занял место посередине, а нам с Сережей достались места по краям. Сережа как лег, так сейчас же заснул, но я почему-то долго не мог заснуть. Сначала мне было очень удобно, и я даже удивлялся, для чего люди придумывают разные тюфяки и подушки, когда и без этого можно прекрасно обойтись. Потом меня стало что-то давить в затылок. Я решил узнать, на чем я лежу, на крупе или на макаронах, и стал щупать под головой рюкзак. Но там оказалась вовсе не крупа и не макароны, а котелок.

«Ага, значит, мне попался рюкзак Павлика», – сообразил я и перевернул рюкзак на другую сторону. Но теперь мне под голову попала консервная банка, и я снова не мог заснуть. Тогда я стал вертеть рюкзак в разные стороны, чтоб

отыскать булку или что-нибудь другое, помягче...

– Что ты там ищешь? – спрашивает Павлик.

– Булку.

– Неужели так скоро проголодался?

– Да нет!

– Зачем же тебе булка понадобилась?

– Я буду на ней спать, а то твердо очень.

– Подумаешь, нежности! – говорит Павлик.

– Вот попробуй, поспи на консервной банке, так узнаешь, какие нежности, – говорю я.

Булки я так и не нашел, но мне попался какой-то пакет, наверно с сахаром. Я кое-как пристроился на сахаре и уже хотел заснуть, но тут у меня стала болеть спина. Видно, я отлежал ее. Тогда я стал переворачиваться на бок.

– Вот вертится, как уж на сковороде! – проворчал Павлик.

– А тебе что?

– Да ты меня все время толкаешь!

– Подумаешь, уж и не толкни его!

Я перевернулся на бок, но скоро бок тоже начал болеть. Некоторое время я молча терпел и изо всех сил старался заснуть. Наконец я не выдержал и стал переворачиваться на живот.

– Да дашь ли ты мне в конце концов заснуть! – зашипел Павлик.

– погоди, сейчас заснешь, – сказал я и... зацепился ногой за шест.

Шест рухнул, и весь шалаш обвалился прямо на нас.

– Вот тебе! Довертелся! – закричал Павлик. Сережа проснулся, высунулся из-под ветвей и ошалело посмотрел вокруг.

– Что это еще за шутки? – закричал он.

– Никакие не шутки! – говорит Павлик. – Просто этот вот бегемот обрушил

шалаш! Ну, вставайте, что ли, починять будем.

Мы вылезли из-под обломков шалаша и в сумерках принялись восстанавливать разрушенную постройку. Ночь приближалась быстро, и мы едва успели кое-как сделать шалаш. Как только все было готово, я залез в него первым и лег посредине.

– А ты почему на мое место забрался? – удивился Павлик.

– Здесь места нумерованные, – говорю я. – Это тебе не театр.

Он хотел вытеснить меня, но я не уступил. Павлик лег с краю и сердито засопел. Он долго ворочался. Видно, не очень удобно было лежать. Я тоже долго не мог заснуть. Все-таки каким-то чудом я наконец заснул. Не знаю, долго ли я спал, и даже не помню, что мне снилось, только вдруг что-то как треснет меня по голове! Я моментально проснулся и долго не мог понять, что случилось. Постепенно я догадался, что шалаш снова обрушился и меня ударило по голове шестом. Вокруг было темно. Небо над нами чернело, как сажа, только звезды сверкали на нем.

Мы снова выкарабкались из-под обломков шалаша.

– Что ж, надо опять чинить, – говорит Сережа.

– Починишь тут, когда такая темень!

– Надо попробовать. Не сидеть же нам под открытым небом.

Мы принялись ползать в темноте среди веток и разыскивать шесты. Три шеста мы сразу нашли, а четвертый никак не находился. Насилу мы его нашли, но, пока искали, потерялись те три шеста, которые уже были найдены. Наконец мы их снова нашли. Павлик хотел устанавливать шесты и вдруг говорит:

– Постойте, а где же наше место?

– Какое место?

– Ну, где наши рюкзаки.

Мы стали бродить в темноте и разыскивать рюкзаки, но их нигде не было. Тогда мы решили построить шалаш на новом месте. Павлик принялся устанавливать шесты, а мы с Сережей стали обдирать кусты и носить ветки.

– Послушай, – закричал вдруг Сережа, – иди-ка сюда – здесь много наломанных веток!

Я подошел и наткнулся на целую кучу веток, которые ворохом лежали на земле. Мы притащили Павлику по охапке и вернулись за остальными ветками.

– Стой, – говорит Сережа, – здесь еще что-то лежит.

– Где?

– Вот под ветками. Какой-то вроде мешок. Я нагнулся и нащупал в темноте мешок.

– Верно, – говорю. – Мешок, чем-то набитый. И еще один тут.

– Правда! – ахнул Сережа. – Два набитых мешка!

– Смотри, еще один! – сказал я.

– Три набитых мешка! – закричал Сережа. – Кто же их положил тут?

– Ясно кто, – говорю я, – это мы.

– Как – мы?

– Конечно, мы. Это наши рюкзаки!

– Верно! А я и не сообразил сразу!

Мы позвали Павлика и сказали, что нашли старое место.

– А там уже шалаш готов, – говорит он.

– Ну, перенесем туда наши вещи, и дело с концом. Мы взяли рюкзаки и пошли к шалашу. Я поспешил первым, чтоб занять место посередине, и стал бродить вокруг шалаша, но никак не мог отыскать вход.

– Где же вход? – спрашиваю.

– Ах, чтоб тебя! – говорит Павлик. – Забыл вход сделать, со всех сторон ветками заложил!

Он принялся разбирать ветки и делать вход. Как только это было готово, Павлик юркнул в шалаш первым и занял место посередине. Я так устал, что не стал даже с ним спорить. Мы с Сережей без разговоров улеглись по краям. Под голову мне опять попало что-то твердое – не то котелок, не то консервная банка, – но я

даже не обратил на это внимания и заснул как убитый. Вот и все.

А сейчас уже утро. Я проснулся раньше всех и пишу дневник. Солнышко уже поднялось высоко и начинает припекать. По небу плывут белые кудрявые облака. Из деревни доносятся мычание коров и собачий лай. Сережа и Павлик еще спят в шалаше. Сейчас я их разбужу, и мы начнем варить завтрак.

В тот же день вечером

После завтрака мы пошли в лес, чтоб проверить ловушку. Ловушка была пустая. Мы решили снова следить за пчелами и ползали за ними часа два. Наконец у Павлика терпение лопнуло. Он решил напугать пчелу, чтоб она полетела в свое дупло, и принялся кричать на нее, махать руками и топтать ногами. Пчела стала кружиться над ним и вдруг как ужалил его в ухо! Павлик как завизжит! Ухо у него покраснело и моментально распухло. Мы стали вытаскивать у него пчелиное жало.

– Чтоб они сгорели, эти пчелы! – ругался Павлик. – Можете сами с ними возиться, а с меня хватит! Все ухо в огне!

– Ты потерпи, – говорим мы. – Ухо пройдет.

– Когда же оно пройдет! Горит как в огне! Что теперь делать?

– Может быть, платком завязать? – говорю я.

– Не надо платком. Лучше я пойду на реку и буду мочить ухо в воде.

Он ушел мочить ухо в реку, а мы с Сережей заметили одну пчелу и стали следить за ней по очереди. Один следит, а другой отдыхает. Следили, следили, вдруг пчела поднялась вверх и полетела. Мы стремглав побежали за ней, но пчела взлетела очень высоко, и мы потеряли ее из виду.

– Чтоб они сгорели, эти пчелы! – ругался Павлик. – Можете сами с ними возиться, а с меня хватит! Все ухо в огне!

– Ты потерпи, – говорим мы. – Ухо пройдет.

– Когда же оно пройдет! Горит как в огне! Что теперь делать?

– Может быть, платком завязать? – говорю я.

– Не надо платком. Лучше я пойду на реку и буду мочить ухо в воде.

Он ушел мочить ухо в реку, а мы с Сережей заметили одну пчелу и стали

следить за ней по очереди. Один следит, а другой отдыхает. Следили, следили, вдруг пчела поднялась вверх и полетела. Мы стремглав побежали за ней, но пчела взлетела очень высоко, и мы потеряли ее из виду.

– Вот досада! – сказал Сережа. – Придется начинать все снова.

Тут Павлик вернулся с реки и закричал издали:

– Эй, смотрите, что у меня! Сейчас уху будем варить! Мы подбежали. В руках он держал свою кепку. Она вся была мокрая, а в ней прыгали живые караси.

– Где ты взял?

– Там, возле реки, в болоте поймал.

– Как же ты их поймал без удочки?

– Очень просто: болото пересохло, воды совсем мало осталось, я их руками поймал.

Мы побежали к болоту, наловили еще карасей и стали варить уху. Потом еще на ужин наловили карасей.

– Тут их много! – говорил Павлик. – Мы хоть каждый день можем карасей есть.

После обеда мы снова пошли в лес, чтоб следить за пчелами. Сережа говорит:

– А что, если пчелу обрызгать водой? Пчела, наверно, подумает, что пошел дождь, и полетит в свое гнездо.

Мы принесли в котелке воды, нашли на цветке пчелу и стали брызгать на нее водой. Пчела намочла, полезла по стебельку вниз и притаилась под зеленым листочком. Значит, ей на самом деле показалось, что пошел дождь. Потом она увидела, что никакого дождя нет, вылезла из-под листа и стала греться на солнышке. Постепенно она обсохла, расправила крылышки и полетела. Мы уже хотели бежать за ней, но пчела тут же опустилась вниз, села на цветок и снова начала собирать мед. Тогда Сережа набрал в рот побольше воды и как брызнет на пчелу! Пчела снова намочла и спряталась под листком, а когда обсохла, опять принялась летать с цветка на цветок.

– Ах ты, какая упрямая пчела! – сказал Сережа и окатил пчелу водой так, что она промокла насквозь.

Даже крылышки у нее от воды сморщились и прилипли к спине.

Пчела наконец увидела, что «дождь» не перестает, и, когда обсохла, полетела прочь.

Мы побежали за ней. Пчела летела сначала низко, между стволами деревьев, потом взвилась вверх, и мы потеряли ее. Тогда мы принялись поливать водой других пчел, но у них у всех была одинаковая манера: сначала они прятались от «дождя» под листьями, а потом улетали, и мы ни разу не могли проследить за ними, потому что они летали очень быстро и на большой высоте. Так мы бегали, пока пчелы не перестали летать.

День уже подходил к концу. Мы вернулись на дачу и стали варить ужин. Тетя Поля до сих пор почему-то еще не вернулась, и мы решили еще одну ночь провести в шалаше. Не знаю, может быть, это нехорошо, что мы живем в шалаше? Может быть, лучше вернуться домой? Я сказал Сереже и Павлику, а они говорят: «Все равно завтра вернемся». Они решили починить шалаш и врыть шесты в землю, чтоб шалаш снова не развалился.

Сейчас они чинят шалаш, а я записываю в дневник наши приключения.

По небу плывут серые, свинцовые тучи. В воздухе стало прохладнее и потянул ветерок. А вдруг ночью начнется дождь? Надо шалаш хорошенько покрыть ветками, чтоб нас ночью не промочило. Сейчас кончу писать и пойду помогать Сереже и Павлику.

10 июня

Ночью никаких приключений не было. Вот что значит сделать шалаш как следует! Можно спать с чистой совестью и не бояться, что тебя стукнет по голове шестом. Дождя тоже не было. Проснулся я рано. Меня разбудили птички. Еще только начало светать, а они уже проснулись и принялись трещать, и чирикать, и пищать на разные голоса. Я вылез из шалаша и увидел, что солнышко еще не взошло. Вверху небо было чистое, голубое, а внизу, у самой земли, – белые облака, такие легкие, пушистые, будто мыльная пена. Постепенно облака росли и клубились, как пар, и взмывали все выше и выше, пока не заполнили все небо. Потом они загорелись и стали розовые, будто фруктовое мороженое. Я стал думать, что было бы, если бы нам дали столько мороженого; съели бы мы его или нет? Наверно, за всю жизнь бы не съели. Все люди не съели бы столько мороженого. Я замечтался и тут вдруг увидел, как из-под земли выкатилось огромное красное солнце. Все засияло вокруг и осветилось ярким светом. Зеленая трава стала еще зеленей, а на каждой травинке засверкали капли росы, как алмазы. Я поскорей принялся будить

Сережу и Павлика, чтоб они посмотрели на это чудо, но, пока они протирали глаза, роса испарилась и такой красоты уже не было.

– Эх вы, – говорю, – сони! Спят тут, как суслики у себя в норе! Если будете так спать долго, то ничего в жизни хорошего не увидите!

Павлик только зевнул и сейчас же принялся потрошить карасей на завтрак, но Сережа сказал, что сначала надо было бы пойти умыться. Мы пошли на реку, умылись, а заодно и выкупались, а потом стали готовить завтрак. Нажарили карасей, напекли из муки лепешек. Лепешки оказались невкусными, но зато мне в голову пришла очень хорошая мысль.

– А что, если посыпать мукой пчелу? – говорю я. – Пчела станет тяжелая и не сможет так быстро летать.

Мы нашли на цветке пчелу и осыпали ее мукой. Пчела сейчас же принялась чиститься лапками. Стряхнула с себя всю муку и через минуту уже снова собирала мед.

– Я знаю, что нужно сделать, – сказал Сережа. – Нужно сначала обрызгать пчелу водой, а потом обсыпать мукой. Тогда мука прилипнет к пчеле, и она не сможет ее с себя счистить.

Мы так и сделали. Сережа набрал в рот воды и как брызнет на пчелу, а Павлик тут же посыпал ее мукой. Мука раскисла и облепила пчелу со всех сторон. Пчела сейчас же принялась счищать с себя мокрую муку. Передними лапками она почистила головку и протерла глазки, потом стала чистить задними лапками брюшко и крылышки. Она очень аккуратно почистилась, только на спине у нее осталось немного мокрой муки. Мы хотели ее еще раз обсыпать, но тут пчела замахала крылышками и полетела. Мы побежали за ней. Пчела летела сначала медленно, потом полетела быстрее, вылетела из леса и понеслась через поле. Мы не взвидя света мчались за ней, прыгали через пни и кочки, через рвы и канавы. Потом пошли какие-то грядки с капустой, и вдруг перед нами появился забор. Пчела перелетела через него. Мы недолго думая тоже перемахнули через забор и очутились в каком-то саду. Вокруг росли деревья, а под ними стояли какие-то маленькие домики без окон, без дверей, вроде собачьих будок, только на ножках. Возле одного домика стоял старик с белой бородкой и удивленно смотрел на нас.

– Ну, что скажете? – спросил старичок, когда увидел, что мы, как истуканы, стоим без движения и молча на него смотрим.

– Ничего, – пролепетал Павлик и полез обратно через забор.

– Зачем же через забор? Вон ведь калитка, – сказал дедушка и укоризненно покачал головой.

– А я не заметил, что тут калитка, – ответил Павлик и спрыгнул с забора с другой стороны.

Мы с Сережей остались одни. Я стал думать, как бы нам лучше удрать – в калитку или через забор, – а дедушка спросил:

– Вы зачем же полезли сюда?

– Мы нечаянно, – говорю я.

– Сюда полетела наша пчела, а мы за ней, – ответил Сережа.

– Ваша пчела? – удивился старик. – Не может быть. Это, наверно, моя пчела. – А разве у вас есть пчелы? – спросил я.

– Конечно. Вон у меня сколько пчел.

Тут только мы поняли, что маленькие домики, которые стояли под деревьями, были просто ульи. Пчелы все время гудели вокруг. В воздухе стоял непрерывный гул.

– Для чего же вам понадобилось за пчелой бегать? – спросил дедушка.

Мы сказали, что хотели проследить за пчелой и найти дупло с дикими пчелами.

– Вы, наверно, хотели отыскать дикий мед? – сказал старик.

– Нет, мы хотели найти пчелиную семью. Нам пчелы нужны.

– Зачем же вам пчелы?

Мы стали объяснять, что решили всем звеном сделать улей и разводить пчел. Павлик увидел, что дедушка перестал сердиться и мирно беседует с нами. Он подбежал к калитке и стал заглядывать в нее, а потом совсем осмелел и подошел к нам. Мы рассказали, как сделали ловушку для пчел и повесили в лесу. Дедушка внимательно выслушал нас и сказал:

– Это вы хорошее затеяли дело. Пчеловодство – полезное занятие. Только поймать диких пчел очень трудно. Да здесь поблизости их и нет. Разве с пчельника у кого слетит рой да попадет в вашу ловушку.

– Что же нам делать? – спросили мы жалобно. Дедушка, видно, сжалился над нами.

– Что ж, – сказал он, – я вам дам на развод пчелок, раз вы так полюбили это дело. Пчеловоды должны выручать друг друга.

Сердце от радости запрыгало у меня в груди. Я думал, что дедушка сейчас же нам даст пчел, но он сказал:

– Приходите к концу дня. У меня тут из одного улья должен рой выйти. Вот я и отдам этот рой вам. Только принесите с собой какой-нибудь ящик или коробку, чтобы посадить пчел.

– Можно мы принесем ловушку? – спросил я.

– Можно. Да не приходите слишком скоро. Часика через три-четыре приходите, когда начнет спадать жара.

Мы побежали в лес, сняли ловушку с дерева и теперь ждем, когда можно будет идти к дедушке. Делать мне нечего, и я решил написать обо всем подробно, как следует. Все-таки, когда пишешь, время проходит незаметнее. Мы еще подождем немного, а потом пойдем обратно к дедушке. Может быть, рой уже вылетел. А сейчас писать больше пока не о чем.

В тот же день вечером

Наконец-то у нас есть пчелы! Вот какой добрый оказался дедушка! Я думал, что все пчеловоды бывают злые, потому что их часто кусают пчелы, но этот пчеловод оказался вполне хороший и очень добрый. Он не только обещал нам дать пчел, но и выполнил свое обещание. Когда мы пришли на пасеку, рой уже сидел в круглой деревянной коробке вроде сита. Сверху коробка была затянута марлей, сквозь которую были видны пчелы. Батюшки, сколько там было пчел! Прямо какая-то живая каша из пчел. Дедушка снял марлю и высыпал пчел в нашу ловушку, как будто крупу. Мы поскорей закрыли ловушку и уже хотели бежать домой, но дедушка задержал нас и стал учить, как обращаться с пчелами.

Он сказал, чтоб мы высыпали пчел в улей прямо на рамки с вощиной и поставили на первое время в улей кормушку с сахарным сиропом, пока пчелы не

запасли для себя меду. Для того чтобы сделать кормушку, нужно сварить из сахара сироп, налить его в стеклянную банку и завязать горлышко тряпочкой. Потом банку нужно перевернуть вверх дном и поставить в улей на рамки. Сироп будет просачиваться из банки, и пчелы будут его понемногу сосать сквозь тряпочку. Кроме того, дедушка научил нас сделать из марли сетки, чтоб надевать на голову, когда мы будем открывать улей, и еще велел нам сделать дымарь, чтоб подкуривать пчел дымом. Пчелы боятся дыма. Они прячутся от него в улей и не разлетаются. Дедушка показал нам свой дымарь. Это такая круглая жестянка с носиком, а сбоку гармошка. В жестянку кладут гнилушки и разжигают. Если нажимать на гармошку, из носика идет дым.

– Пчеловодство – очень интересное занятие, – сказал дедушка. – Кто начнет заниматься пчеловодством, тот уж на всю жизнь пчел полюбит и никогда не бросит этого дела.

– Почему? – удивились мы.

– Да так уж, без пчел ему будет скучно.

Наконец дедушка отпустил нас, и мы отправились в обратный путь. Домой мы вернулись поздно, когда уже начало темнеть. Сережа понес ловушку с пчелами к себе домой. Мы с Павликом забежали на минутку домой, чтоб сказать, что уже вернулись, и тоже побежали к Сереже.

Сережина мама стала расспрашивать нас, как мы жили на даче. Мы боялись, как бы она не спросила про тетю Полю, потому что не знали, признаваться нам, что мы жили в шалаше, или лучше не признаваться. Сережа нарочно стал рассказывать про дедушку-пчеловода. Мама слушала, слушала, а потом спрашивает:

– А как там тетя Поля поживает?

Мы увидели, что попались, и не знали, что говорить, но тут раздался стук в дверь. Это пришла мама Павлика и сказала, чтоб он шел ужинать. Мы облегченно вздохнули, стали показывать ей пчел и рассказывать про дедушку-пчеловода. Тут Сережина мама опять спросила:

– Что же ты ничего не рассказал про тетю Полю? Мы опять растерялись, но тут снова кто-то постучался в дверь. Это пришла за мной моя мама. Мы обрадовались. Стали показывать ей пчел и рассказывать про дедушку. Моя мама тоже стала спрашивать, как мы жили на даче. Я говорю:

- Хорошо жили. Ничего себе.
- Не надоели там тете Поле?
- Нет, кажется не надоели, – говорю я, а сам не знаю, правду я говорю или нет.
- А к нам тетя Поля не собирается? – спросила Сережина мама.
- Нет, – говорит Сережа, – кажется, не собирается.
- Ничего не говорила про это?
- Нет, не говорила.

Это он, конечно, правду сказал, так как, что могла говорить тетя Поля, раз мы ее не видели! Не знаю, до чего дошел бы этот разговор, но тут опять постучался кто-то. Мы облегченно вздохнули. Дверь отворилась, и в комнату вошла сама тетя Поля. Мы разинули от удивления рты, да так и остались с открытыми ртами.

- Здравствуйте! – сказала тетя Поля.
- Здравствуйте, – ответила Сережина мама. – Какими судьбами к нам?
- Да вот из колхоза шла в город машина, я и приехала, – сказала тетя Поля.

Тут началось самое интересное. Тетя Поля протянула Сереже руку:

- Здравствуй, Сереженька! Сережа покраснел, как вареный рак.

Тут началось самое интересное. Тетя Поля протянула Сереже руку:

- Здравствуй, Сереженька! Сережа покраснел, как вареный рак.

- Здравствуйте, тетя Поля.

- Постойте, как это – здравствуйте? – говорит Сережина мама. – Разве вы сегодня не виделись?

- Где же мы могли видаться? – удивилась тетя Поля.

- Как – где? В Шишигине.

- Да я уж три дня, как не была в Шишигине. Я в колхозе работала, в Тарасовке.

- А вы где же были? – спросила Сережина мама.

– Мы – в Шишигине, – говорит Сережа.

– Так дом-то ведь был закрыт.

– А зачем нам дом? Мы в шалаше жили.

– В каком шалаше?

– Ну, построили из веток шалаш и жили.

– Ах, вот как! Кто же вам разрешил в шалаше жить? Разве вы не могли домой вернуться?

Тут заговорили все сразу – и моя мама, и Павлика, и Сережина, – и я даже не знаю, что было дальше, потому что моя мама сказала:

– Так вот как ты слушаешься свою мать! Пойдем-ка, голубчик, домой! Я тебе покажу, как жить в шалаше без спросу!

Пришлось мне весь вечер просидеть дома и слушать упреки. Даже на пчел не удалось полюбоваться.

11 июня

Вот какая беда случилась сегодня. Утром я зашел к Павлику, и мы вместе пошли к Сереже. Сережа еще спал. Мы разбудили его. Он проснулся нехотя и стал ворчать на нас, потому что ему снился какой-то интересный сон и ему хотелось досмотреть его.

– Ладно, – говорим, – потом досмотришь. Надо вставать да пчел сажать в улей.

Сережа говорит:

– Вы пойдите скажите ребятам, что мы уже достали пчел, а я пока оденусь.

– А где же ловушка? – спрашиваем мы.

– Ловушка там, на балконе. Я ее вчера вечером поставил на балкон, чтоб пчелам не было в комнате душно.

Мы вышли на балкон. Смотрим... Батюшки, что творится! Дверца ловушки открыта, пчелы из нее вылетают и разлетаются в разные стороны.

– Ах ты чучело! – закричал на Сережу Павлик. – Спит себе, а тут пчелы удрали!

Сережа выскочил на балкон.

– Что же вы смотрите? – закричал он. – Пчелы разлетаются, а они смотрят!

Он подбежал к ловушке и закрыл поскорей дверцу.

– Чего ты кричишь? – говорит Павлик. – Будто мы виноваты! Ты сам оставил ловушку открытой.

– Как это я вчера не заметил, что дверца открыта? – говорит Сережа. – Почему же она открылась?

– Разиня! – говорю я.

– А я виноват? Это все тетя Поля! Мне тут из-за нее головомойка была. Совсем не до пчел было.

– Ну вот! А теперь там небось ни одной пчелы не осталось, – сказал Павлик. – Наверно, все разлетелись.

– Может быть, хоть немного осталось, – говорит Сережа. – Надо посмотреть.

Я поскорей открыл крышку ловушки, и мы втроем стали заглядывать в нее. В ловушке оказалось еще много пчел. Они начали вылезать вверх. Павлик стал махать на них рукой, чтоб они залезли обратно. Одна пчела вылетела и села мне на руку. Я испугался, уронил крышку и стал трясти рукой, чтоб сбросить пчелу, а она как ужалит меня! Я как заору, как хлопну пчелу рукой и раздавил. Тут остальные пчелы загудели, начали вылетать из ловушки и жалить нас. Павлик испугался – и бегом в комнату. Сережа за ним. Одна пчела ужалила меня в шею, другая вцепилась в волосы. Я тоже побежал в комнату и принялся вытаскивать пчелу из волос, но она все-таки успела меня ужалить в голову. Павлика две пчелы ужалили в шею и одна в губу. Сережу одна пчела ужалила в нос, а другая в затылок.

Мы побежали на кухню и стали мочить укусы под краном. Боль жгла, как каленым железом. Мы принялись вытаскивать друг у друга пчелиные жала. Возились, возились, насили вытащили, но боль все-таки не проходила.

– Это все ты виноват! – кричал Сережа на Павлика, – Размахался тут руками! Пчелы не любят, когда на них руками машут.

– А ты потише кричи! – говорит Павлик. – Разве тебя одного ужалили? Меня тоже небось ужалили, да еще в губу!

– А меня в нос ужалили. Знаешь, как больно!

– Подумаешь, в нос! Что тебе носом делать? А мне губой разговаривать надо.

– Можешь не разговаривать.

Они надулись и перестали спорить.

Мы долго молча сидели на кухне, мочили в воде платки и прикладывали их к укусам.

– А ловушка открыта! – сказал вдруг Сережа. Мы побежали в комнату и стали заглядывать на балкон. Ловушка была открыта. Над ней кружилось несколько пчел, но скоро они улетели прочь. Мы вышли на балкон и заглянули в ловушку. Внутри было пусто.

– Все разлетелись! – сказал Сережа.

– А может быть, они еще прилетят обратно? – говорю я.

– Дождись! – ответил с досадой Павлик. В это время на улице показались Толя и Юра. Они увидели нас на балконе и закричали:

– Эй! Вы уже вернулись?

– Вернулись.

– С пчелами или без пчел?

– С пчелами.

Они быстро поднялись к нам:

– Где же пчелы?

– А их уже нет, – говорим. – Улетели.

– Куда улетели?

– Ну, «куда», «куда»! – рассердился Павлик. – Будто они нам сказали куда!

– Чего же ты сердишься? Разве нельзя рассказать спокойно!

Мы стали рассказывать про все, что случилось: и как достали пчел у дедушки, и как они улетели.

- Может быть, удастся достать еще у этого дедушки? – говорит Юра.
- Что ты! – говорим мы. – И просить больше не станем. Он нам дал, а мы уберечь даже не сумели. Не даст он нам больше.
- Что ж делать?
- Подождем. Может быть, прилетят обратно.

Стали мы ждать.

Юра и Толя сидели, сидели, потом им надоело. Они ушли и рассказали всем ребятам о том, что случилось.

Ребята один за другим приходили и расспрашивали нас. Нам даже надоело рассказывать каждому. У Сережи нос красный, как клюква, и распух на одну сторону. У Павлика раздулась губа так, что он сам на себя не похож. А у меня на голове вскочила шишка, и шея тоже распухла.

Мы прождали до обеда, но ни одна пчела не вернулась обратно.

- Наверно, они улетели к себе домой, на пасеку к дедушке, – сказал Сережа.
 - Скатертью дорожка! – говорит Павлик. – Если бы они и прилетели обратно, я все равно не стал бы с ними возиться.
 - А я, думаешь, стал бы? – говорит Сережа, – Очень мне нужно, чтоб они меня жалили! Я говорю:
 - По-моему, это дело неинтересное: с ними возишься, возишься, а они тебя изжалят и улетят. Тут прибежал Юра и закричал:
 - Ребята, идите скорее, будем письмо писать!
 - Какое письмо?
 - Ну, письмо в пчеловодное хозяйство. Нина Сергеевна узнала адрес. Мы напишем письмо, и нам пришлют пчел в посылке.
- Павлик говорит:
- Можете писать сами: нас пчелы теперь уже не интересуют
 - Почему не интересуют?

– Мы не хотим больше пчелами заниматься. Мы решили это дело бросить.

– Как так? – говорит Юра. – Мы ведь всем звеном взялись за эту работу, а вы не хотите.

– Ну, мы будем какую-нибудь другую работу делать. Разве только эта работа на свете и есть?

Юра стал уговаривать нас, но мы твердо решили:

– Не хотим, вот и все

Так ему и не удалось уговорить нас. Мы теперь хитрые: будем что угодно делать, а с пчелами пусть кто-нибудь другой возится.

12 июня

Утром я проснулся и насилу встал с постели.

Шея у меня распухла и болит так, что даже голова не вертится. Если хочется посмотреть в сторону, то приходится поворачиваться всем туловищем. И еще шишка на голове болит. И рука болит.

Я пошел к Павлику. Он сидит дома, а на шее у него компресс из ваты. Мы стали с ним вдвоем ругать пчел за то, что они нас изжалили. Потом пришел Сережа с распухшим носом, и мы стали проклинать пчел втроем. Вдруг прибежал Гриша Якушкин:

– Ребята, пойдемте пчеловодный инвентарь делать.

– Это какой-такой инвентарь?

– Будем делать дымарь и сетки, чтоб не изжалили пчелы.

– Нас и так не изжалят, – говорим мы, – мы это дело бросили.

Гриша стал уговаривать нас.

– Нет, – сказали мы. – Пчеловодство нам уже надоело. Мы уже попробовали, а теперь вы сами попробуйте.

– Ну что ж, и попробуем.

– И тоже бросите.

– Не бросим. Мы не такие, как вы!

– А вот увидим.

Гриша обиделся и ушел.

Ну и ладно.

Вот изжалят их пчелы, тогда перестанут храбриться.

13 июня

Сегодня шея уже не так болит. Головой можно вертеть, только не очень быстро. Если быстро вертеть, то еще немного болит. У Павлика шея тоже еще болит.

Приходил Гриша и показывал, какой они сделали дымарь. Напустил полную комнату дыму и ушел. Подумаешь! Будто мы дыму не видели!

14 июня

Сегодня шея уже совсем не болит. И шишка на голове не болит. Да и шишки никакой нет. Уже прошла шишка, и голова тоже хорошо вертится. Даже махать могу головой. Только зачем мне махать головой? Я ведь не лошадь, чтоб головой махать. Больше ничего интересного не было.

15 июня

Утром мы с Павликом пришли к Сереже и стали играть в шашки. Я выиграл у Сережи два раза, а у Павлика только раз, а Павлик у меня выиграл три раза, а у Сережи ни разу, а у меня Сережа тоже выиграл два раза. Вдруг прибежали Женя и Юра:

– Ребята, идите скорее! Пчелы приехали!

– Откуда?

– Ну, посылка пришла. Целый ящик, а в нем пчел видимо-невидимо! Так и кишат! И еще там две рамки с готовыми сотами. Идите скорее, будем пчел в улей сажать. Очень интересно!

Мы вскочили и хотели бежать.

– А! – обрадовался Юра. – Говорили, что вас пчелы не интересуют, а теперь самим интересно!

– И ничуть не интересно, – говорим мы. – Будто мы пчел не видели!

– Видели, да не таких. Наши пчелы хорошие!

– Ну и целуйтесь с ними, если такие хорошие!

– И будем целоваться. А вы еще придете к нам. Юра и Женя ушли. Я говорю:

– Интересно пойти взглянуть, какие это у них там пчелы.

– Не надо, – говорит Павлик – Все скажут, что у нас никакой твердости нет.

– Почему?

– Потому что теперь ребята подумают, будто мы испугались трудностей и бросили дело, а когда за нас другие добились, мы тоже пришли. Раз мы твердо решили бросить, то нужно быть твердыми.

– Правильно, – говорит Сережа. – Мы всем докажем, что у нас есть твердость.

Вечером я пошел домой и стал думать о пчелах. Все-таки пчелы, по-моему, не такие уж плохие. Они честно работают и носят в свой улей мед. И очень дружно живут. Я ни разу не видел, чтоб две пчелы подрались между собой.

16 июня

С утра мы сидели у Павлика и играли в шашки. Потом мне надоело играть, и я пошел домой. Дома я опять думал о пчелах. Почему они жалят: от злости или просто так? По-моему, все-таки не от злости.

Пчелы защищаются жалами от своих врагов. Если кто-нибудь нападет на улей, то они его жалят. Они даже медведя изжалят, если он полезет к ним в улей за медом.

И правильно сделают. Ведь они для себя запасают мед, а не для медведей. А людей они жалят, должно быть, по ошибке. Пчелы ведь не знают, что люди не хотят им сделать зла.

Откуда им это знать!

Хотя люди тоже забирают у пчел мед. Но люди ведь забирают не весь мед. Сколько нужно, столько и забирают, а за это люди заботятся о пчелах, делают

для них ульи, прячут на зиму в хорошие зимовники.

Если бы люди не заботились о пчелах, то пчелам было бы гораздо хуже. Жили бы они только в дуплах или в каких-нибудь щелках, а теперь они живут в красивых ульях, и, когда им нечего есть, люди даже подкармливают их сахарным сиропом.

Поэтому пчелам не нужно обижаться на людей, а людям не нужно обижаться на пчел, если пчелы их жалят.

Чтобы пчелы не жалили, нужно надевать сетки и подкуривать пчел дымом. Вот и все будет хорошо!

А мы полезли к пчелам без сеток, за что и были наказаны.

17 июня

Сегодня Павлик сделал из бумаги голубя и стал пускать по комнате. А Сережа сделал голубя и пустил его с балкона прямо на улицу. Голубь кувыркался в воздухе, кувыркался и упал прямо посреди мостовой. Мы все трое стали мастерить голубей и пускать с балкона. У меня один голубь перелетел через улицу и упал на крышу дома напротив. А у Сережи голубь упал на автомобиль, который ехал по улице, и уехал на этом автомобиле. Потом мне стало скучно, и я пошел домой. Дома на меня почему-то напала тоска. Вот я сижу и хандрю, и ничего делать не хочется.

18 июня

Опять делали голубей и пускали с балкона, только это нам быстро надоело. Мы стали играть в шашки, но шашки тоже быстро надоели. Тогда мы стали играть в другие разные игры, но они тоже нам все надоели.

Сережа сказал, что ему скучно, и ушел домой. Мне тоже уже не хотелось играть. Я пошел домой, и снова на меня напала тоска. Я стал думать, что такое тоска и откуда она берется. Может быть, тоска – это скука? Нет, по-моему, тоска не скука. Если скучно, то можно поиграть во что-нибудь, и скука пройдет, а если у человека тоска, то ему даже играть не хочется.

По-моему, тоска нападает от безделья. Когда делаешь какое-нибудь полезное дело, то никогда не бывает тоски. А когда целый день бездельничаешь или занимаешься какой-нибудь чепухой, то потом становится досадно, что потерял время зря. По-моему, тоска – это досадная скука. Вот это что такое!

19 июня

Павлик с утра хандрил и не хотел ни во что играть. После обеда он куда-то пропал. Мы с Сережей обыскали весь двор, облазили все чердаки, сараи – нигде не нашли. Тогда мы решили, что он пошел к кому-нибудь из ребят, и перестали его искать. Потом нам стало скучно. Сережа сказал:

– Если бы мы работали вместе с ребятами на пасеке, нам не было бы скучно. Я говорю:

– Давай, пока Павлика нет, пойдем и посмотрим на пчел.

Сережа обрадовался:

– Пойдем скорей, пока не вернулся Павлик, а то он скажет, что у нас не хватило твердости.

– Пойдем скорей, пока не вернулся Павлик, а то он скажет, что у нас не хватило твердости.

Мы поскорей пошли в школьный сад и еще издали увидели улей. Возле улья сидела какая-то фигура и пялила глаза на пчел. Мы подошли ближе и увидели, что эта фигура был Павлик.

– А, – закричали мы, – так вот какая у тебя твердость! Нам сказал, что не нужно интересоваться пчелами, а сам сидишь тут и интересуешься! Разве так товарищи поступают?

Павлику стало стыдно.

– Я, – говорит, – нечаянно сюда зашел. Шел, шел и зашел.

– Сказки! – говорим мы. – Просто захотел на пчел посмотреть!

– Честное слово, ребята! Зачем мне на них смотреть? Совсем незачем!

– Зачем же ты смотришь, если незачем?

– А вы сами чего пришли?

– А мы тоже шли, шли и зашли. Видим – ты тут сидишь, ну и зашли на тебя посмотреть.

– Врете! У вас, наверно, твердости не хватило, вот вы и пришли на пчел посмотреть.

– У нас, – говорим, – твердости больше, чем у тебя: ты первый пришел.

Мы стали спорить, у кого больше твердости – у нас или у него. Тут сзади слышались шаги. Мы обернулись и увидели Юру. Он услышал, о чем мы спорили, и говорит:

– У вас у троих нет никакой твердости.

– Почему?

– Потому что вы начали работать и бросили на полпути. У кого есть твердость, тот не бросает работы, несмотря ни на какие трудности.

– А мы и не бросили, – говорит Павлик. – Мы просто отдохнуть хотели немножко, а теперь снова будем работать.

– Вот и хорошо! – говорит Юра. – Вы себе сделайте сетки и приходите. Будете работать со всем звеном. А сейчас уходите, чтобы пчелы не изжалили.

– Мы немножко посмотрим и уйдем, – сказал Павлик. Мы потихоньку присели возле улья и стали смотреть на пчел. Они выползали одна за другой из летка и улетали за медом. Другие пчелы, наоборот, откуда-то прилетали, садились на прилетную доску и заползали в улей. Возле летка все время толпились пчелы.

Вот и ожил наш улей! На него было радостно смотреть. Потом мы пошли домой, достали марли и проволоки и стали делать сетки. С этим делом мы возились до вечера, и сетки у нас получились хорошие. И никакой скуки не было.

20 июня

Вот сегодня какой счастливый день! Наше звено в полном составе собралось с утра на пасеке. Все ребята принесли сетки, а Юра принес дымарь. Мы насобирали в саду гнилушек и положили в дымарь. Юра разжег их и начал раздувать. Дымарь работал исправно.

Мы открыли улей и заглянули внутрь. Батюшки, сколько там было пчел! Они вплотную друг к дружке сидели на рамках. Некоторые пчелы стали вылезать на рамки вверх, но Юра сейчас же стал пускать на них дым, и они спрятались обратно.

Потом Толя вынул одну рамку из улья. И вот тут-то мы увидели, как пчелы

строили соты. Они делали из воска такие длинные шестиугольные трубочки и лепили их одну рядом с другой, так что получались сплошные ряды трубочек, или ячеек.

Мы поскорей поставили рамку на место, чтоб не мешать пчелам работать.

Удивительные насекомые пчелы – как они ловко умеют строить соты! Глядя на соты, просто не верится, что их делают обыкновенные пчелы, до того эти соты правильные и красивые. Конечно, многие другие животные тоже очень умные, например собаки. Но никакая собака не смогла бы сделать такие соты!

21 июня

Сегодня к нам на пасеку пришла Галя и принесла фотоаппарат. Она сказала, что снимет нас вместе с ульем. Все ребята выстроились позади улья, только нам с Сережей и Павликом не досталось места. Мы стали позади ребят, но там нас не было видно. Тогда мы уселись впереди улья. Галя навела аппарат, щелкнула – и готово! Занятное дело фотография! Щелкнут тебя, а потом – в проявитель. Я раз видел, как проявляют карточки. Болтают, болтают, сначала ничего нет, а потом – батюшки, человек лезет!

Интересно, какая получится карточка. Только я очень боюсь, что выйду безглазый, потому что моргнул, когда Галя щелкнула аппаратом. У меня уже был такой случай: нас снимали всем классом, а я моргнул, вот и получился на карточке с закрытыми глазами, как будто сплю сидя. Меня тогда все ребята ругали; «Эх ты, тетеря сонная! Всю карточку испортил!»

Будто я виноват!

22 июня

Вот какая досада! Еще не готова карточка! Галя говорит, пленка еще не просохла. Мы стали спрашивать, хорошо ли мы получились. Она говорит:

– Вот завтра сделаю карточку, увидим. Я очень волнуюсь: слепой я или с глазами? И как это меня угораздило моргнуть в такое время! Скорее бы завтра пришло!

23 июня

Карточка готова! Все ребята хорошо получились, только я вышел с открытым ртом. Не понимаю, как это меня угораздило раскрыть рот! Все хорошо, и глаза есть, а рот раскрыт. Ребята снова бранят меня:

– Зачем тебе понадобилось рот разевать?

– Я нечаянно.

– «Нечаянно»! Ты бы еще язык высунул!

– А вам-то что? Ведь вы хорошо получились.

– Мы-то хорошо, а ты весь вид портишь.

– Чем же я его порчу?

– Да сидишь тут с разинутым ртом, как акула! Тогда я стал просить Галя:

– Галя, нельзя ли мне чем-нибудь рот замазать? Ну, пожалуйста!

– Чем же его замазать? – говорит Галя, – По-моему, ты хорошо получился. Очень похож.

– Да, – говорю я, – похож! Разве я такой? Я красивый.

– Ну, ты и здесь очень красивый.

– И совсем не красивый! Здесь у меня какой-то глуповатый вид получился.

– Вовсе не глуповатый. Просто рот чуточку приоткрыт, потому что ты улыбаешься, а вид нормальный. Очень даже умный вид.

Это Галя, наверно, нарочно сказала, чтоб меня утешить. А может быть, у меня на самом деле умный вид, только мне самому незаметно? Не знаю... Только на карточках я почему-то всегда получаюсь плохо. В жизни-то я очень красивый, а как только снимусь, обязательно не такой. Вот и на этой карточке. Рот ладно уж, это я сам виноват, а нос почему такой? Разве у меня такой нос? У меня нос хороший, а здесь он задирается кверху, вроде запятой. А уши? Разве у меня уши торчат, как самоварные ручки? Ну ничего Все-таки я немного похож. Можно узнать, что это я снят, а не кто-нибудь другой. Какое-то сходство есть. Главное – улей хорошо вышел. И мы с Сережей и Павликом впереди всех, на самом виду.

Когда мы пошли домой, Сережа сказал:

– И зачем мы вперед вылезли? Даже неудобно как-то! Можно подумать, что мы

самые главные в этом деле.

– Да, – говорит Павлик, – дела не сделали, даже бросили, а когда и без нас все вышло, так мы вперед лезем. Теперь все про нас будут думать, что мы хвастуны.

Дома я думал о хвастовстве. Что такое хвастовство? Почему люди хвастают? Вот, например, некоторые воображают, что они очень хорошие, и всем твердят, какие они хорошие. А зачем об этом твердить? Если ты хороший, то и без слов видно, что ты хороший, а если ты нехороший, то сколько ни тверди, все равно тебе не поверят. А то есть еще такие люди, которые воображают, что они очень красивые, и всем об этом рассказывают. А чего об этом говорить, если и так видно, красивый ты или некрасивый. А то еще попадаются такие люди, которые воображают, что они страшно умные, и вот они болтают, болтают, даже о том говорят, чего сами не понимают. И вот тут-то все видят, умные они или неумные. По-моему хвастовство – это просто глупость. Глупому всегда почему-то кажется, что он лучше других, а умный понимает, что другие еще, может быть, лучше его, значит, и хвастаться нечем.

Сегодня Нина Сергеевна научила нас сделать поилку для пчел.

Нужно взять бочонок, налить в него воды и устроить затычку так, чтоб вода сочилась по капле. Снизу под бочонком нужно поставить наклонно дощечку. Вода будет растекаться по дощечке, и пчелы будут пить прямо с нее.

Мы стали думать, где взять бочонок. Гриша сказал, что у них на чердаке есть старая бочка. Мы пошли к нему. Он попросил у мамы разрешения взять бочку. Мама позволила.

Бочка была тяжелая. Мы насилу стащили ее с чердака и покатали по улице. Вдруг Федя навстречу:

– Вы куда бочку тащите?

– На пасеку. Будем делать поилку для пчел.

– С ума сошли! Куда им столько воды?

– Ничего, – говорит Юра. – Выпьют.

Мы приволокли бочку на пасеку и стали таскать в нее воду, а бочка рассохлась, и вся вода из нее выливалась, как сквозь решето. Мы уже думали, что придется ее выбросить, но Галя сказала:

– Надо хорошенько размочить бочку. Когда клепки разбухнут, она перестанет

течь.

Мы снова принялись таскать воду.

Сколько воды мы в эту бочку влили! Ведер сто или, наверно, двести. Сначала вода выливалась сквозь щели, но постепенно бочка разбухла и к вечеру уже была наполовину с водой.

Завтра будем снова воду таскать.

25 июня

За ночь бочка разбухла и совсем перестала течь. Мы наносили в нее воды доверху, а потом пришлось всю эту воду вылить, потому что бочка стояла на земле, а ее нужно было поставить на подставку, повыше. Мы вылили воду, вбили в землю четыре столбика, поставили на них бочку и снова натаскали в нее воды. Потом устроили затычку так, чтоб вода капала на дощечку. Скоро на дощечку села пчела и стала тыкать своим хоботком в воду, которая растекалась по доске. Через некоторое время и другие пчелы проведали, что для них здесь поилка устроена. Они стали прилетать и пить воду. А мы смотрели на них и радовались.

Потом у нас был сбор отряда. Галя рассказала о работе нашего звена. Весь отряд заинтересовался нашей работой, а ребята из второго звена сказали, что бросят на огороде работать и присоединятся к нам.

– А вот это уж не годится, – сказала Галя. – Кто же будет на опытном огороде работать?

– Ну, мы будем и на огороде работать и будем приходить на пасеку изучать пчел, – сказали ребята.

– Это дело другое! – сказала Галя. – Приходите, пожалуйста, только и своего дела не оставляйте. Добивайтесь, чтоб был большой урожай.

26 июня

Сегодня мы следили, куда летают наши пчелы за медом. Оказывается, они летают на опытный огород. Там уже зацвели огурцы, кабачки и тыквы. Все грядки усеяны желтенькими цветами. Пчелы все время жужжат вокруг. Они летают низко над землей и залезают в чашечки цветов.

Одна пчела залезла в цветок тыквы и так извалялась в пыльце, что стала вся

желтая. Другие пчелы летают куда-то через улицу, но за ними нельзя проследить, потому что они летают высоко над домами. Должно быть, они летают в парк.

27 июня

Юра принес в стакане немного меду и решил угостить пчел. Он налил меду на стеклышко и положил его недалеко от улья. Пчелы летали мимо и не замечали, что на земле лежит для них угощение. Тогда Женя поймал одну пчелу стаканом и осторожно перенес ее в стакане прямо на стеклышко с медом. Пчела увидела мед и начала его есть. Мы стали следить за ней. Пчела наелась меду и полетела обратно в улей. Через некоторое время из улья вылезла другая пчела, подлетела к меду и стала есть. Наевшись, она улетела, а минуточки через две из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к стеклышку с медом, как будто она заранее знала, что там приготовлен для нее мед. Мы удивились: откуда она знает, что на стеклышке мед?

– Наверно, ей рассказала та пчела, которую Женя поймал стаканом, – говорю я.

Все стали надо мной смеяться:

– Разве пчелы могут между собой разговаривать?

– Что же, по-вашему, пчела сама догадалась, что здесь лежит мед?

– А может, она и не догадалась, просто летела мимо и увидела мед.

Когда пчела улетела, Федя сказал:

– А что, если спрятать мед?

Мы поскорей взяли стеклышко с медом и спрятали. Вдруг из летка вылезла пчела и полетела прямо к тому месту, где раньше лежал мед. Она увидела, что мед куда-то исчез, и принялась жужжать и кружиться над этим местом. Тут уж все убедились, что пчела знала про мед. Значит, ей кто-то сказал! Она долго кружилась и не хотела никуда улетать. Тогда мы положили стеклышко с медом на прежнее место. Пчела быстро нашла мед, наелась и улетела. Мы взяли стеклышко, положили его шага на два в сторону и стали следить. Следующая пчела вылезла из улья и полетела не туда, где лежало стеклышко, а на старое место. Она даже как будто удивилась, когда не нашла меду, а долго кружилась в воздухе, пока не нашла стеклышко с медом на новом месте. Зато следующая пчела полетела сразу на новое место.

– Ага! – обрадовался я. – Значит, ей уже сообщили, что мед на новом месте

лежит.

Мы следили за пчелами до конца дня. Каждый раз, когда мы перекладывали мед на новое место, пчелы не могли его сразу найти; если же мед оставался на старом месте, пчелы быстро находили его. В конце концов всем стало ясно, что пчелы разговаривают между собой.

Вечером я пошел домой и стал думать, как пчелы разговаривают. Если они разговаривают, как люди, то у них должен быть во рту язык. Только разве разглядишь у них во рту язык? Они ведь маленькие. А потом я подумал, что если пчелы разговаривают, то у них должны быть уши, потому что как же ты услышишь, о чем говорят, если безухий?

Завтра обязательно посмотрю, есть ли у пчел уши.

28 июня

У пчел ушей нет. Я очень внимательно рассматривал пчелу, но никаких ушей не заметил. По-моему, пчелы совсем ничего не слышат. Я нарочно кричал на пчел, но они не обращали на мои крики никакого внимания.

Сегодня к нам на пасеку пришла Нина Сергеевна. Мы рассказали ей о наших опытах с пчелами. Нина Сергеевна тоже захотела посмотреть. Мы поймали пчелу и посадили на стеклышко с медом. Пчела поела меду и улетела в улей, а через несколько минут из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к меду.

– Вот видите! – обрадовались мы. – Значит, она узнала от первой пчелы, что здесь лежит мед.

– А ну-ка, давайте пометим эту пчелу, – сказала Нина Сергеевна.

Мы не поняли, как это пометить пчелу. Нина Сергеевна объяснила, что нужно взять немножечко краски и поставить на спинке пчелы отметку. Толя быстро сбегал домой и принес краски и кисточку.

Как только к меду прилетела пчела, он быстро мазнул ее по спине белой краской. Пчела так увлеклась медом, что даже не заметила, как ее покрасили. Она только тогда улетела, когда наелась как следует меду. Мы стали ждать, что будет дальше. Вдруг, смотрим, из улья опять вылезает эта же самая пчела с белой отметинкой и летит прямо к меду. Мы подумали, что она еще не наелась как следует, и стали смотреть, как она ест.

– Вот видите! – обрадовались мы. – Значит, она узнала от первой пчелы, что здесь лежит мед.

– А ну-ка, давайте пометим эту пчелу, – сказала Нина Сергеевна.

Мы не поняли, как это пометить пчелу. Нина Сергеевна объяснила, что нужно взять немножечко краски и поставить на спинке пчелы отметку. Толя быстро сбегал домой и принес краски и кисточку.

Как только к меду прилетела пчела, он быстро мазнул ее по спине белой краской. Пчела так увлеклась медом, что даже не заметила, как ее покрасили. Она только тогда улетела, когда наелась как следует меду. Мы стали ждать, что будет дальше. Вдруг, смотрим, из улья опять вылезает эта же самая пчела с белой отметинкой и летит прямо к меду. Мы подумали, что она еще не наелась как следует, и стали смотреть, как она ест.

Наконец она наелась и снова полетела в улей. Через несколько минут она прилетела снова и опять стала есть мед.

– Куда она столько ест? Ведь она в конце концов лопнет от жадности!

– Она вовсе не ест, – объяснила Нина Сергеевна. – Она набирает в хоботок меду, относит его в улей и складывает в соты. Пчелы всегда так поступают. Если какая-нибудь пчела найдет мед, она сейчас же начнет переносить его в свой улей.

Мы стали следить за нашей пчелой с белой отметинкой и увидели, что она то и дело подлетает к стеклышку и, набрав меду, улетает в улей. Тут нам стало понятно, что и вчера на наше стеклышко с медом летала только одна пчела, а мы подумали, что это все разные.

– Значит, пчелы вовсе не разговаривают друг с другом? – спросили мы.

– Разговаривать, как люди, пчелы, конечно, не могут, – сказала Нина Сергеевна, – но все-таки пчелы могут кое-что сообщить друг другу. У них есть свой пчелиный язык. Вот вы понаблюдайте за ними, может быть, вам удастся подметить, как они это делают.

29 июня

Сегодня мы решили исследовать, найдет ли пчела дорогу к себе домой, если ее занести куда-нибудь далеко от улья.

Я поймал стаканом одну пчелу, а снизу под стакан подсунул кусочек картона, чтобы пчела не могла улететь. Теперь нужно было пометить пчелу краской и занести куда-нибудь далеко. Я сказал ребятам, что отнесу пчелу домой, помечу ее там и выпущу с балкона.

Ребята остались ждать и следить, когда помеченная пчела прилетит обратно в улей, а я понес пчелу домой. Я нарочно держал стакан повыше, чтоб пчела замечала дорогу. Снизу стакан был закрыт картоном, так что пчела не могла удрать, а сквозь стакан ей все было видно.

Потом я пришел домой и стал думать, как мне пометить пчелу, чтоб она не улетела прежде, чем я поставлю у нее на спинке отметку краской. Тогда я решил покормить пчелу медом и, пока она будет есть, пометить ее. Я поставил на балконе блюдечко, налил в него капельку меда и поставил стакан с пчелой на блюдечко. Скоро пчела увидела мед и стала его есть. Я осторожно снял стакан и мазнул пчелу по спине краской. Пчела не испугалась и продолжала есть мед. Потом она улетела, а я пошел на пасеку, чтоб узнать, прилетела пчела обратно или нет. Я вышел на улицу и пошел поскорее. Вдруг навстречу Сережа.

– Прилетела! – кричит. – Уже прилетела! Мы принялись прыгать от радости посреди улицы. Вот какая пчела! Маленькая, а все-таки не заблудилась. Нашла дорогу в свой родной улей! Сережа говорит:

– Давай стакан, мы поймаем еще одну пчелу и снова сделаем опыт.

А я стакан дома забыл. Побежали мы домой за стаканом. Я хотел убрать с балкона блюдечко, вдруг смотрю – прилетела пчела, села на блюдечко и давай есть мед. Мы присмотрелись к ней, а у нее на спине пометка краской.

– Да это ведь та же пчела! – догадался я. – Это она снова прилетела за медом.

– Вот так пчела! – говорит Сережа. – Она не только нашла дорогу домой, но даже запомнила, что здесь мед лежит, и прилетела еще раз!

– Подождем. Может быть, она еще прилетит, – говорю я. Мы стали ждать. Минут через десять пчела прилетела снова. До вечера она раз двадцать прилетала за медом. Удивительное насекомое! Какая-нибудь муха наелась бы меда и улетела, а пчела не пожалела труда. Она и сама поела и своим товарищам отнесла мед. Очень хорошее насекомое! Таких, как пчелы, надо уважать.

30 июня

Мы удивлялись: почему, если мед положить далеко от улья и посадить на него

пчелу, то пчела запоминает место, на котором нашла мед, и прилетает снова, а если мед положить близко от улья, но не сажать на него пчел, то пчелы сами не могут его найти. Нина Сергеевна сказала:

– Сделайте такой опыт. Возьмите два стеклышка, налейте на них меду. Одно стеклышко положите прямо на землю, а другое положите на кусочек цветной бумаги и следите, на какое стеклышко раньше сядет пчела.

Мы так и сделали. Одно стеклышко с медом положили прямо на траву, а под другое стеклышко положили кусочек голубой бумаги. Сначала пчелы летали мимо и не замечали меда. Вдруг на стеклышко с голубой бумагой села пчела и стала есть мед. Мы пометили пчелу краской. Через некоторое время эта же пчела прилетела снова, а потом на это же стеклышко с голубой бумажкой прилетела еще одна пчела, без отметки. Мы и ее пометили краской. Часа через два на стеклышко с голубой бумажкой летало пять пчел, а на стеклышко без бумаги пчелы не обращали никакого внимания.

– Голубая бумага заметнее, поэтому пчелы, должно быть, и садятся на нее, – сказал Витя.

– Правильно, – сказала Нина Сергеевна. – Теперь вам понятно, для чего у растений бывают красивые, яркие цветы – красные, синие, желтые?

– Для чего? – не поняли мы.

– Неужели не догадались?.. Для того, чтобы привлекать пчел и других насекомых.

– Зачем же растениям привлекать пчел? – говорю я.

– Чтобы пчелы помогали опылению. Чем больше пчел и других насекомых будет прилетать на цветы, тем лучше растение опыляется и размножается.

Нина Сергеевна рассказала, что не все растения опыляются насекомыми. Есть такие растения, которые опыляются ветром, например рожь. У ржи цветочки совсем маленькие, незаметные, даже на цветы не похожи, потому что им вовсе не нужно привлекать пчел и других насекомых.

Потом я пошел домой и стал думать о том, как удивительно все в природе устроено. Раньше я думал: почему цветы такие красивые? А теперь оказывается, что цветы красивые не просто для красоты. У тех растений, которые опыляются насекомыми, большие, красивые цветы нужны для того, чтобы насекомые быстрее находили их и помогали опылению. Значит, красота

нужна не только для красоты, а и для пользы.

1 июля

Продолжаем опыты с пчелами. Сегодня мы взяли два кусочка бумаги, красный и синий, налили на них меду и посадили пчелу на синюю бумагу, а на красную не посадили пчелы. Пчела стала прилетать и носить мед в улей с синей бумаги. Каждый раз она прилетала и садилась только на синюю бумагу, хотя красная лежала рядом и на ней тоже был мед. Тогда мы поменяли местами обе бумажки. Пчела прилетела, увидела, что вместо синей бумаги лежит красная, и не стала на нее садиться. Она покружилась, увидела синюю бумажку и села на нее. Тогда мы отнесли синюю бумажку немного подальше, но пчела все-таки отыскала ее.

Мы делали опыты с разными цветными бумажками и заметили, что пчела всегда летит на тот цвет, на котором она нашла мед. Значит, пчелы не только различают цвета, но даже запоминают тот цвет, на котором нашли мед. Это очень хорошо, что у пчел такая способность. Она помогает им собрать побольше меду.

Завтра Гриша и Федя уезжают в пионерлагерь. Сегодня они попрощались со всеми ребятами и сказали, что завтра уже не придут на пасеку. Федя сказал, что ему жалко расставаться с пчелами, даже в лагерь ехать не хочется. А мы сказали, что пчелы и без него проживут. Нечего ему выдумывать!

2 июля

Чем больше мы смотрим на пчел, тем больше удивляемся. С виду пчелы – это как будто все равно что мухи. Но куда там мухам до пчел! Что такое мухи? Мухи – это безмозглые балаболки. Они только жужжат, лезут, куда их не просят, надоедают людям да еще заразу разносят. А пчелы – это совсем другой народ! Они всегда занимаются нужным делом, работают дружно, каждая трудится не только для себя, а для всех. И чего только они не делают! Сегодня приходим на пасеку, смотрим – что за непонятная картина! Несколько пчел уселись в летке и машут изо всех сил своими крылышками. Сначала мы подумали, что они просто к доске прилипли и не могут взлететь. Мы согнали их, но они снова уселись возле летка и давай махать крылышками. Мы побежали к Нине Сергеевне и рассказали об этом. Нина Сергеевна сказала:

– Сегодня день очень жаркий, и в улье стало душно, вот пчелы и решили проветрить помещение. Они машут крылышками и гонят в улей свежий воздух. Это у них вентиляция такая.

Вот какие пчелы, даже вентиляцию выдумали! И еще у меня сегодня была радость: мои мама и папа пришли на пасеку и смотрели на наших пчел.

3 июля

Опять жаркий день. Пчелы снова проветривают улей. А у поилки что творится! Пчелы одна за другой вылетают из улья и летят к поилке, а напившись, тут же летят обратно в улей. В воздухе как будто цепочка из пчел. Одна цепочка тянется от улья к поилке, другая – от поилки к улью.

Мы смотрели на них и удивлялись: почему пчелы, напившись воды, не летят за медом, а тут же возвращаются в улей?

Нина Сергеевна сказала, чтоб мы пометили краской пчел, которые прилетают пить воду. Толя принялся мазать краской всех пчел, которые прилетали к поилке.

Меченые пчелы улетали в улей, а из улья вылетали новые пчелы и летели к поилке. Толя мазал их всех по очереди. Вдруг мы заметили, что из улья вылезла одна меченая пчела и полетела к поилке, за ней другая, третья... Скоро мы увидели, что к поилке летают одни только меченые пчелы и помечать больше некого.

– Да это какая-то водяная бригада! – закричал Федя. – Эти пчелы, наверно, не пьют, а носят зачем-то воду в улей.

– Это так и есть, – сказала Нина Сергеевна. – В жаркую погоду часть пчел всегда носит в улей воду для тех пчел, которые заняты работой внутри.

– Разве те пчелы сами не могут вылететь из улья, чтобы попить? – спросил я.

Нина Сергеевна объяснила нам, что у пчел есть разделение труда. Молодые пчелы, которые еще не научились разыскивать цветы, работают в улье: строят соты, следят за чистотой, проветривают помещение, кормят детву, а старые пчелы летают за медом, носят в улей воду, когда очень жарко.

– Жалко, что нельзя посмотреть, как там в улье пчелы работают, – сказал Женя.

Нина Сергеевна сказала, что бывают такие ульи со стеклянными стенками,

сквозь которые можно наблюдать, как работают пчелы.

Мы решили, что, когда у нас будет несколько ульев, мы обязательно сделаем один со стеклянной стенкой.

4 июля

Сегодня Нина Сергеевна сказала:

– Скоро зацветет липа. Надо нам подготовиться к главному медосбору.

– А что такое главный медосбор? – спросили мы.

– Это такая пора, когда зацветает сразу много цветов: цветет на полях клевер или гречиха, зацветает акация, или клен, или ветла. Как раз в это время пчелы делают самые большие запасы меда. Это и есть главный медосбор.

– А у нас ведь нет ни клевера, ни гречихи, – говорим мы.

– Зато у нас много липы. У нас будет главный медосбор с липы.

Нина Сергеевна научила нас сделать для улья надставку, которая называется магазином. Этот магазин – как будто второй этаж улья. В него ставят добавочные рамки, чтобы пчелам было куда складывать мед, когда начнется большой медосбор.

Мы сделали для улья надставку, а Нина Сергеевна сказала, чтоб мы следили, когда начнет цвести липа.

Как только липа зацветет, мы поставим на улей надставку.

5 июля

Липа еще не зацвела. Я нарочно залез на дерево, чтобы проверить, но цветы еще не распустились.

Галя увидела и говорит:

– Ты зачем по деревьям лазишь? Слезай сейчас же вниз! Я говорю:

– Я цветы проверяю.

– Для этого не надо по деревьям лазить, и так будет видно.

Но я все-таки проверил как следует. Вдруг прозеваем!

6 июля

Я уже давно заметил, что в летке улья постоянно сидят две или три пчелы.

Другие пчелы прилетают и улетают, а эти сидят и никуда не уходят. Я долго думал, что это за пчелы.

А сегодня в улей пытался пробраться шмель. Он жужжал вокруг улья, жужжал – наверно, искал какую-нибудь дырку, чтоб залезть в улей и полакомиться медом. Дырки он так и не нашел и полез прямо в леток. Тут эти три пчелы набросились на него и стали прогонять.

Он пустился от них удирать, но они догнали его и стали жалить. И правильно! Зачем он позарился на чужой мед! Пчелы ведь не для него собирают мед. Кто работает, тот и ест мед, а кто не работает, тому не надо давать меда.

А потом я подумал: «Может быть, эти пчелы нарочно сидят в летке и караулят, чтобы к ним не пробрались какие-нибудь разбойники?» Я спросил Нину Сергеевну. Нина Сергеевна сказала, что я правильно угадал.

Все-таки, оказывается, у меня голова кое-что умеет соображать.

Нина Сергеевна рассказала, что пчелы не жалеют жизни, защищая свой родной улей. Если на улей нападет даже такой большой зверь, как медведь, все пчелы бросаются на него и жалят.

Только если пчела ужалит кого-нибудь, то она не может вытащить жало, а без жала пчела обязательно умирает.

Вот какие храбрые пчелы!

7 июля

Вот какое большое научное достижение! Сегодня Женя Шемякин изобрел способ наблюдать пчелиную жизнь внутри улья. Он взял зеркальце и пустил в леток солнечный зайчик. Солнечный зайчик осветил внутренность улья, и пчелы стали видны. Только всем сразу нельзя смотреть, потому что леток маленький и можно смотреть только одному человеку. Все ребята смотрели по очереди, и я никак не мог дождаться. Передо мной стал смотреть Витя Алмазов. Я все просил, чтоб он пустил меня, а он все «подожди» да «подожди». Целый час, наверно, смотрел! Потом говорит:

Вот какое большое научное достижение! Сегодня Женя Шемякин изобрел способ наблюдать пчелиную жизнь внутри улья. Он взял зеркальце и пустил в леток солнечный зайчик. Солнечный зайчик осветил внутренность улья, и пчелы стали видны. Только всем сразу нельзя смотреть, потому что леток маленький и можно смотреть только одному человеку. Все ребята смотрели по очереди, и я никак не мог дождаться. Передо мной стал смотреть Витя Алмазов. Я все просил, чтоб он пустил меня, а он все «подожди» да «подожди». Целый час, наверно, смотрел! Потом говорит:

– На, смотри.

Я взял у него зеркальце и стал пускать в улей зайчик, но солнце уже перешло на другую сторону, и зайчик не попадал в леток.

Я говорю:

– Что же ты дал зеркало, когда солнце ушло?

– А я виноват, что оно ушло?

Вот и поговори с ним! Такая жадина! Завтра возьму зеркало, приду раньше всех и захвачу место у улья. Пусть тогда попросят меня.

Дома читал газету. В газете была статья про мед. Оказывается, мед – лечебное вещество. У кого больной желудок, или сердце, или легкие, или нервы, или еще что-нибудь, всем надо есть мед, и они быстро поправятся. А если у кого-нибудь нарыв или чирей, то надо намазать его медом и завязать тряпочкой, и чирей быстро пройдет.

8 июля

Вот какая досада! Сегодня нарочно пришел на пасеку с зеркалом, а солнышка нет. За весь день солнце не выглянуло ни разу. Не везет мне!

Потом у нас был сбор отряда. Все звенья рассказывали о своей работе. Мы рассказали о наших опытах с пчелами, а звеньевой второго звена Шура рассказал о работе на опытном огороде. Он сказал, что у них будет очень большой урожай огурцов; гораздо больше, чем в прошлом году. Это, конечно, потому, что в прошлом году пчел не было, а в этом году наши пчелы собирали на огуречных цветах мед и помогали опылению.

9 июля

Наконец-то солнышко выглянуло! Я надел на голову сетку, на руки натянул рукавицы, чтоб пчелы не жалили, уселся возле улья и стал пускать зеркальцем зайчик в леток. Батюшки, что там в улье творилось! Пчелы копошатся на сотах, лазают по ним вверх и вниз, для чего-то залезают в ячейки, потом вылезают обратно. Когда солнышко начало припекать, пчелы снова стали вентилировать улей. Они махали крылышками не только в летке, но и внутри улья. Некоторые пчелы сидели прямо на сотах и изо всех сил работали крыльями. Каждая пчелка – как будто маленький вентилятор. Мне очень хотелось увидеть пчелиную детву, но сколько я ни смотрел, ни одной маленькой пчелки не видел.

Вечером я сказал Нине Сергеевне, что у наших пчел нет никакой детвы.

– А какая, по-твоему, пчелиная детва? – спросила Нина Сергеевна.

– Ну, это такие маленькие пчелки, совсем-совсем крошечные, – говорю я.

Нина Сергеевна засмеялась и говорит:

– Нет, пчелиная детва не такая. Вот мы завтра откроем улей, я вам покажу пчелиную детву.

Я сказал всем ребятам, чтоб приходили завтра смотреть пчелиную детву.

10 июля

Все наше звено собралось с утра на пасеке. Скоро пришла Нина Сергеевна и стала рассказывать, как пчелы выводят детву. Оказывается, что пчелы строят ячейки из воска не только для того, чтобы складывать в них запасы меда, но и для того, чтобы выводить в них детву. В каждой пчелиной семье есть одна самая большая пчела – матка. Пчелиная матка ничего не делает в улье, только кладет яйца. Остальные пчелы не могут класть яйца, они только работают и поэтому называются рабочими пчелами. Пчелиная матка может отложить за день до двух тысяч яиц. Она откладывает яйца в пустые восковые ячейки.

Каждая ячейка – это как будто гнездышко, в котором лежит яйцо.

Нина Сергеевна велела нам открыть улей и вынула из него одну рамку. Мы стали рассматривать соты. Сначала нам показалось, что соты пустые, но Нина Сергеевна сказала, что в них лежат яйца. Мы присмотрелись и увидели, что на дне каждой ячейки лежит по крошечному яйцу. Каждое яйцо не больше макового зернышка, только маковое зернышко черное, а яйцо белое.

* * *

Мы никак не могли понять, как из таких маленьких яиц выходят пчелы, но Нина Сергеевна сказала, что из яиц выходят не пчелы, а личинки, то есть такие маленькие червячки или гусенички, только без ножек. Нина Сергеевна нашла на сотах ячейки, в которых из яиц уже вывелись личинки, и показала их нам. Одни личинки были совсем маленькие, другие побольше. Они свернулись калачиком и лежали на дне ячеек.

– Вот эти личинки и есть пчелиная детва, – сказала Нина Сергеевна.

Мы удивились. А Толя сказал:

– Какая же это детва? Они когда вырастут, из них получатся какие-нибудь червяки или гусеницы. Что с ними будут делать пчелы?

Нина Сергеевна сказала:

– Когда личинка вырастет, она превращается в куколку, а из куколки через несколько дней уже выходит сразу настоящая большая пчела.

Еще Нина Сергеевна рассказала, что, кроме рабочих пчел, в ячейках выводятся молодые матки и трутни. Для молодых маток пчелы делают большие, просторные ячейки. Перед тем как должна вывестись молодая матка, часть пчел вместе со старой маткой улетает из улья, и получается рой. Если рой посадить в другой улей, то получится новая пчелиная семья. Трутни немного крупнее рабочих пчел. Рабочие пчелы – это самки, а трутни – самцы. Меда трутни не собирают, а едят за четверых. Когда приходит зима, пчелы прогоняют всех трутней из улья, чтоб они не уничтожали запасов меда.

Сегодня вечером я долго думал о пчелах. Сначала я решил, что пчелы – это все равно что птицы: у птиц есть крылья, и у пчел крылья; птицы несут яйца, и пчелы тоже откладывают яйца. Только из птичьих яиц сразу выводятся птенцы, а у пчел сначала выводятся какие-то личинки или гусеницы. Значит, пчелы – не птицы. Что же такое пчелы? Я думал, думал и решил, что пчелы – это все равно,

что бабочки. У бабочек тоже есть крылья, бабочки тоже откладывают яйца, а из яиц выводятся гусеницы, а из гусениц получаются куколки, а из куколок получаются снова бабочки. Это я точно знаю, потому что у меня в прошлом году жила в ящичке большая мохнатая гусеница, которая в один прекрасный день превратилась в куколку. И вот эта куколка лежала-лежала, и в один еще прекрасный день из нее вышла большая, замечательно красивая бабочка. Значит, и пчелки – это такие маленькие бабочки.

11 июля

Сегодня был очень хороший, солнечный день. Утром я прихожу на пасеку, а Толя уже сидит возле улья с маленьким зеркальцем, заглядывает одним глазом в верхний леток и потихоньку смеется.

– Чего ты смеешься? – спрашиваю я.

– Они танцуют.

– Кто танцует?

– Пчелы.

– С ума, – говорю, – спятил!

– Посмотри сам.

Я взял у него зеркальце и стал смотреть в леток.

Я взял у него зеркальце и стал смотреть в леток.

Одна пчела бегала вприпрыжку по сотам. Она поворачивалась то в одну сторону, то в другую, то быстро вертелась. Вдруг другая пчела бросилась следом за ней, и они стали вертеться вместе. Следом за второй пустилась плясать третья пчела.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

– Все время так, – сказал Толя. – Я за ними уже давно слежу.

Я пустил зайчик в нижний леток и увидел на дне улья настоящий хоровод. Одна пчела бегала впереди, а за нею вприпрыжку мчалась целая вереница пчел. Первая пчела вертелась в разные стороны, описывала круги, а остальные пчелы в точности повторяли ее движения.

Повертевшись на месте, первая плясунья перелетела в другое место и начала

снова плясать. Постепенно к ней присоединились другие пчелы, и опять получился пчелиный хоровод.

Тут пришли остальные ребята. Мы стали показывать им, как пляшут пчелы.

– Что же это происходит? – говорит Витя. – Может быть, у них тут какой-нибудь пчелиный праздник? Все засмеялись:

– Разве у пчел бывают праздники?

Мы побежали к Нине Сергеевне и стали спрашивать, почему пчелы пляшут. Нина Сергеевна сказала, что, когда какая-нибудь пчела находит место, где цветет много цветов, она возвращается в улей и начинает плясать. Этим она дает знать другим пчелам, что надо лететь за медом. Во время танца остальные пчелы обнюхивают первую пчелу и по запаху узнают, на каких цветах она брала мед. После этого пчелы вылетают из улья и летят туда, откуда доносится запах этих цветов.

– В особенности часто пчелы танцуют во время главного медосбора, – сказала Нина Сергеевна. – Вы проверьте, может быть, уже зацвела липа.

Мы скорей побежали к школе. Во дворе перед школой росли большие старые липы. Мы посмотрели вверх и увидели, что пчелы во множестве летают вокруг деревьев и садятся на цветы.

Мы увидели, что липа уже зацвела, побежали на пасеку а поставили на улей надставку. Пчелы до вечера продолжали плясать в улье.

Одна пчела так расплясалась, что выскочила на прилетную доску и там еще продолжала плясать, а потом улетела за медом.

Вечером я пошел домой и стал думать о пчелах. Так вот какой пчелиный язык! Когда пчелам нужно сообщить друг другу, что надо лететь за медом, они просто пляшут. Конечно, пчелы не могут сказать, куда нужно лететь за медом, а только по запаху узнают дорогу. Значит, у них хорошее обоняние, гораздо лучше, чем у людей. В этом, конечно, ничего удивительного нет, собаки тоже очень хорошо умеют находить дорогу по запаху, но зато собаки не умеют плясать. Правда, хорошую собаку тоже можно научить танцевать, но все-таки никакая собака не поймет, что если другая собака пляшет, то это значит, что нужно лететь за медом. А пчелы это хорошо понимают.

Потом я еще о цветах думал: почему цветы пахнут? Неужели они пахнут для того, чтобы людям было приятно их нюхать? Нет, наверно, они пахнут для того, чтобы пчелы скорее находили их и помогали опылению. Ведь растениям

выгодно, чтобы побольше пчел и других насекомых прилетало на цветы.

И потом еще вот что: для чего в цветах сладкий сок? Может быть, тоже для того, чтобы приманивать насекомых? Ведь если бы сладкого сока не было, зачем бы пчелы стали летать на цветы?

Завтра спрошу у Нины Сергеевны, правильно я думаю или нет.

12 июля

Я спросил Нину Сергеевну, и она сказала, что я додумался правильно.

Вот, оказывается, какой я умный – до чего сам додумался! Теперь всегда буду думать о разных вещах. Все-таки у меня хорошие результаты получаются от думанья.

Сегодня у нас на пасеке работа кипит вовсю. Пчелы жужжат так, что в воздухе стоит непрерывный гул, как на текстильной фабрике, куда нас Галя водила на экскурсию в позапрошлом месяце. Пчелы носятся туда и сюда. Они как будто спешат наносить побольше меда, пока цветет липа. На прилетной доске возле летка толкучка: одни пчелы лезут из улья, чтоб поскорей лететь за медом, другие уже прилетели и лезут навстречу в улей, чтобы сложить добычу. А на деревьях их сколько! Тысячи! Все деревья облепили. Мы и не думали, что у нас столько пчел.

Нина Сергеевна рассказала, что во время главного медосбора в улье бывает до восьмидесяти тысяч рабочих пчел, а в некоторых очень сильных семьях – даже до ста тысяч.

Подумать только – сто тысяч! Это как людей в большом городе. А что такое улей? Это и есть пчелиный город.

13 июля

Кипит работа! Пчелы носятся, как эскадрильи самолетов. Возле летка по-прежнему суeta. А внутри улья и сегодня танцы. Будто на самом деле праздник. А может быть, это и есть праздник у пчел – праздник Медосбор? Пчелы ведь должны радоваться, когда много меда. Поработают, зато на зиму будут запасы.

14 июля

Вот так чудо чудное! Про наше звено написали в газете! Утром мы пришли на пасеку, вдруг смотрим – бежит Витя, а в руках у него газета.

– Ребята! – кричит он. – Посмотрите, про нас в газете написано!

Мы посмотрели, а в газете карточка, на которой мы все сняты с ульем, и напечатано, как мы сделали улей и стали разводить пчел. И все наши фамилии напечатаны. Даже сказано, в какой мы учимся школе.

Мы скорей побежали к киоску и стали покупать газеты. Все купили себе по газете, а мы с Павликом купили даже по две. Потом мы стали думать, кто же это про нас написал. Юра говорит:

– Это, наверно, Галя. Ведь она нас снимала. Должно быть, это она послала в газету нашу фотокарточку и написала статью.

Мы побежали к Гале и спросили ее. Оказалось, что это на самом деле написала Галя. Мы стали говорить ей спасибо.

Галя говорит:

– За что же мне спасибо? Ведь вы сами сделали улей, сами работали, себя и благодарите.

Все побежали показывать газеты домой. Мы с Сережей и Павликом тоже пошли. Павлик сказал:

– А вот нам-то и благодарить себя не за что!

– За что же нам благодарить себя – мы пришли на готовое, – говорит Сережа. – Нам надо ребят благодарить за то, что они дела не бросили.

– За что же про нас в газете написано?

– Ни за что. Мы просто случайно попали.

– Чем же нам гордиться тогда?

– Да и гордиться нечем! Это ребята могут гордиться: они дела не бросали.

– Как же так? – говорит Павлик. – Ведь и про нас будут в газете читать. «Вот, – скажут, – хорошие ребята!» А мы разве хорошие?

– Я лучше никому не буду газету показывать, – сказал Сережа.

– Я тоже, – говорит Павлик.

Не знаю, показывали они кому-нибудь газету или нет, а я показал. И маме, и папе, и дяде Васе, и тете Наде. Потом пошел всем соседям показывать. Все хвалили меня, хвалили. Мне даже совестно стало. Я вернулся домой и стал думать, почему мне совестно, и что это за совесть такая, и зачем она людей мучит. Почему, когда сделаешь хорошо, совесть не мучит, а когда сделаешь плохо, так мучит?

По-моему, совесть – это что-то вроде человека внутри человека. Только этот человек очень хороший и не любит, когда делают плохо. Когда я сделаю что-нибудь плохое, он упрекает меня. Конечно, это только я так думаю про этого человека внутри человека, потому что внутри человека нет никакого человека... Разве кто-нибудь другой упрекает меня? Это я сам упрекаю себя. Значит, я сам своя совесть. Вот что такое совесть! Совесть – это я сам. За что же я упрекаю себя?.. За то, что перед соседями хвастался. Может быть, соседи подумали, что я важная птица, а на самом деле я самый простой человек. В следующий раз не буду хвастаться, если хвастаться нечем.

15 июля

Слава про наш улей разнеслась по всей школе. Сегодня к нам приходили ребята из младших классов и даже из старших. Все расспрашивали нас про пчел, а мы показывали им наш улей и рассказывали, как обращаться с пчелами. Ребята сказали, что будут приходить учиться у нас пчеловодному делу. Потом пришел один незнакомый дяденька:

– Это вы те ребята, про которых в газете написано?

– Мы, – говорим мы.

– Неужели у вас пчелы живут?

– Живут.

Он присел возле улья и долго смотрел на пчел. Потом сказал:

– Ишь ты, какая удивительная вещь!

И пошел домой.

Вот! Даже взрослые начинают интересоваться нашей работой. А если бы в газете не было написано, то никто и не знал бы про нас.

16 июля

Сегодня к нам приходили двое ребят из другой школы. Они читали про наше звено в газете и пришли посмотреть, как сделан улей, чтоб и у себя в школе устроить. А потом опять пришел тот гражданин, который вчера приходил. Он снова долго сидел возле улья и разговаривал с нами, а потом его укусила пчела, и он ушел.

17 июля

Вот как быстро разносится слава! Сегодня на пасеку пришла Галя и говорит:

– Подите, ребята, в школу: там вам письмо пришло.

Мы удивились: кто же это мог нам письмо написать? Потом побежали в школу, взяли письмо и стали читать. Вот что там было написано. Я нарочно решил переписать его себе в дневник на память:

«Здравствуйте, дорогие ребята юные пчеловоды! Примите наш пламенный ученический привет. Пишут вам ученики ремесленного училища мебельного комбината. Мы прочитали про вас в газете и хотим познакомиться с вами посредством письма и наладить связь. Ваша работа очень понравилась нам, и у нас появилась охота тоже заняться пчеловодством. Просим сообщить нам размеры улья и, по возможности, прислать чертежик. Мы деревообделочники, будущие столяры-мебельщики, Уже умеем делать табуретки, скамейки, столы, а с будущего года начнем делать гнутую мебель. Думаем, что улей мы сумеем хорошо сделать и даже другим ребятам, какие захотят, можем тоже наделать ульев. Еще сообщите, где можно достать пчел. Еще раз примите наш пламенный, горячий привет! Не сочтите за труд ответить. Пишите как можно скорее. Ждем с нетерпением ответа. Поздравляем с великим достижением и желаем вам новых больших успехов в работе».

Как раз в этот день у нас был сбор отряда. Галя прочитала письмо на сборе, и мы все решили написать ребятам ответ.

Написали все как следует, даже улей нарисовали и сообщили адрес пчеловодного хозяйства, чтобы ребята знали, откуда выписать пчел.

18 июля

А сегодня вдруг снова пришло еще одно письмо. Прислал его какой-то совсем маленький мальчишка. Только он хоть и маленький, а письмо сумел хорошо написать. Нам всем оно очень понравилось. Я и это письмо решил списать в свой дневник. Вот что там было написано:

«Здравствуйте, милые друзья пионеры и школьники! Я к вам с просьбой. Очень прошу сообщить. Милые друзья! Уже с прошлого года я занимаюсь пчеловодством и стараюсь развести пчел в коробке. Только, сколько я ни стараюсь, ничего у меня не выходит. Пчелы не хотят у меня жить и улетают от меня. Я кладу им в коробку меду и сахару, но они поедят меду и улетят из коробки. А вчера я поймал в саду десять пчел, а сегодня они удрали от меня. А у меня мечта – накопить пчел побольше, чтобы, когда я подрасту, можно было устроить улей или хотя бы два, потому

что я решил стать пасечником. Сообщите мне, милые друзья, как вы делаете, чтобы пчелы не улетали от вас, а то я еще маленький и, может быть, делаю что не так. И еще сообщите, милые друзья, кусают ли вас пчелы. Меня они кусают, но я терплю, как на войне раненые бойцы терпят. До свиданья, милые друзья. Писал Митя Ромашкин. Жду ответа, как соловей лета!»

Мы прочитали это письмо, и нам стало очень смешно, а потом мы вспомнили, как сами собирались ловить пчел по одной, и перестали смеяться и написали Мите Ромашкину все, что сами знали о пчелах и как нужно с ними обращаться, чтоб они жили в улье.

Мы долго писали ответ, и письмо получилось длинное, а потом мы пошли па пасеку.

19 июля

Вот так дела пошли! Каждый день по письму! Сегодня пришло письмо мне. На конверте так и написано: «Коле Синицыну – знаменитому пчеловоду». У меня даже задрожали руки, когда я получил это письмо. Я поскорей распечатал его и начал читать:

«Здравствуйте, дорогой незнакомый друг Коля Синицын! Вы, может быть, удивитесь, что Вам пишет совсем незнакомая девочка, которой Вы вовсе не знаете, а может быть, и не интересуетесь знать, так как Вы теперь человек известный, про которого даже в газете написано. Я, конечно, как и другие,

узнала про Вас из газеты, в которой напечатана карточка, где Вы сняты со всем звеном, и написано про Вашу работу.

Мы прочитали эту газету на сборе звена и решили последовать Вашему примеру и заниматься этой интересной работой.

Вы, может быть, улыбнетесь, читая эти строчки моего письма, потому что некоторые мальчики презрительно относятся к девочкам и воображают, что девочки ничего не могут, а мальчики могут всё. И вот мы решили доказать всем мальчикам, что девочки ничуть не хуже их, и тоже хотим разводить пчел. Может быть, многим из нас это пригодится в жизни, и мы на своей школьной пасеке будем изучать пчеловодство, а когда вырастем, будем работать колхозными пчеловодками. И вот все звено поручило мне написать Вам письмо и спросить, как Вы сделали улей и развели пчел. А я решила написать лично Вам, потому что мне понравилась Ваша фамилия, и Вы, наверно, мальчик добрый и не откажете в нашей просьбе.

А теперь до свиданья.

С пионерским приветом пионерка Люся Абанова».

Я сначала не знал, стоит ли писать этой девчонке ответ, но все ребята сказали, что надо написать, и Галя тоже сказала, чтоб я обязательно написал, потому что раз девочки хотят работать, так надо им помочь, и это будет очень нехорошо, если я не отвечу.

Тогда я пошел домой и стал писать ответ. Целый час корпел над письмом, потому что мне хотелось написать получше и не ударить, как говорится, в грязь лицом. В конце концов я написал все как следует.

Тогда я пошел домой и стал писать ответ. Целый час корпел над письмом, потому что мне хотелось написать получше и не ударить, как говорится, в грязь лицом. В конце концов я написал все как следует.

Очень красивое письмо получилось. Мне даже самому понравилось. Все ребята сказали, что не стыдно такое письмо посылать.

20 июля

Сегодня к нам опять приходили ребята, а потом пришел тот гражданин, которого в прошлый раз укусила пчела. Мы очень боялись, как бы его снова пчела не ужалила, и дали ему сетку, чтобы он надел на голову. Гражданин надел на голову сетку, а когда пришла Нина Сергеевна, он стал ее спрашивать:

– Скажите, пожалуйста, что, этот улей – просто для изучения или от него может быть польза?

– И для изучения, и польза будет, – сказала Нина Сергеевна.

– Какая же, скажите, пожалуйста, польза? Разве в городе можно пчел держать?

– Почему же нет? В городе растет очень много медоносных растений. В парках, в садах, на бульварах, даже просто на улицах и во дворах растут такие медоносы, как клен, липа, акация, ветла, черемуха и многие другие. Кроме того, пчелы могут летать за добычей очень далеко. Они могут вылетать из города и собирать мед в окрестных полях. Это раньше думали, что пчел можно держать только в деревне, а теперь даже в таких больших городах, как Москва, живут пчеловоды, которые держат пчел.

– Ну, если так, то я тоже начну разводить пчел, – сказал гражданин. – Да вот беда – у меня ульи поставить негде.

– Почему же негде? – спросила Нина Сергеевна. – Для ульев всегда можно найти подходящее место. Если нельзя поставить во дворе, то поставьте на балконе, или на чердаке, или же просто в сарае.

– Ах, так? Ну, если так, то конечно. А я и не знал, что ульи можно на балконе поставить. Скажите пожалуйста! Вот как далеко шагнула наука!

Гражданин поблагодарил Нину Сергеевну, сказал, что еще придет поучиться у нас, и ушел с нашей сеткой на голове. Пришлось его догнать и напомнить, чтоб сетку отдал.

21 июля

Сегодня было очень жарко, и пчелы почему-то плохо работали. Они выкучивались из летка и целой гроздью висели на прилетной доске, прицепившись друг к дружке. У улья получилась как будто борода из пчел. Эта «борода» висела, висела, а потом пчелы залезли обратно в улей, и «борода» пропала. Потом они снова вылезли, и опять получилась «борода». Наконец они спрятались в улей и сидели до вечера.

22 июля

Мы с Сережей и Павликом пришли с утра на пасеку и увидели, что пчелы снова стали выкучиваться из летка. Мы думали, что им опять захотелось повисеть «бородой», но пчелы кучей взлетели кверху и стали кружиться над ульем. Они громко жужжали, а за ними вслед вылетели другие пчелы. Из улья началось повальное бегство. Мы испугались и спрятались за дерево, а пчелы тучей летали по саду и гудели так, что, наверно, за версту было слышно.

– Что это они, взбесились? – говорит Павлик.

– Да ведь это рой! – догадался Сережа.

– Верно! Куда же мы его будем сажать?

– Надо принести ведро, – говорю я.

– Так бегите скорей домой, а я буду следить, куда сядет рой, – говорит Павлик.

Мы с Сережей выбежали за ворота и во весь дух помчались по улице. Я прибежал домой и принялся искать ведро, но не нашел и схватил вместо него большую картонную коробку от радиоприемника. Прибегаю назад с коробкой, смотрю – возле улья никого нет, а Сережа как угорелый бежит по саду с ведром.

– Где же Павлик? – спрашиваю я.

– Не знаю. Я уже весь сад обыскал. Нигде нет.

– А рой где?

– И роя нет.

Мы остановились и стали осматриваться. Тут из-за забора высунулась голова Павлика и сказала:

– Ну, чего вы стоите там? Идите скорее сюда!

Мы скорее перелезли через забор в соседний двор. Сережа зацепился ногой за забор и уронил ведро. Оно с грохотом покатилося на землю.

– Тише ты! – зашипел Павлик. – Испугаешь ведь рой!

– А где он?

– Вот, разве не видишь?

Тут мы увидели рой. Он гроздью висел на ветке дерева. Все пчелы слепились плотным комком, и только две-три пчелы летали вокруг, будто не могли пристроиться к общей куче.

– Ну, давайте скорее ведро, – говорит Павлик.

– Может быть, их лучше в коробку собрать? – говорю я. – Коробка побольше ведра.

– Ладно, давай коробку.

Я осторожно поднес коробку под рой. Павлик сильно потрянул веткой, и весь рой моментально свалился в коробку. Я сейчас же закрыл ее крышкой.

– Есть! – говорю. – Теперь они никуда не улетят. Мы перелезли обратно через забор и увидели, что на пасеку пришли остальные ребята.

– Идите скорее посмотреть! – закричал я. – У нас рой.

– Где рой?

– А вот, в коробке.

– Где вы его взяли?

– Из улья вылетел.

Ребята заглянули в коробку и удивились:

– Вот так чудо! Значит, у нас вторая пчелиная семья будет! Надо поскорей новый улей делать.

Мы принесли инструменты и в спешном порядке стали делать новый улей. Пришла Нина Сергеевна. Мы показали ей рой в коробке. Нина Сергеевна посмотрела и говорит:

– Не вовремя рой вылетел.

– Почему не вовремя?

– Потому что сейчас большой медосбор. Когда пчелы роятся, они плохо работают и мало собирают меда.

– Ничего, – говорим мы. – Нам много меда не нужно. Пусть лучше будет побольше пчел.

К вечеру мы сделали улей, поставили в него несколько рамок с вощиной и перенесли из старого улья одну рамку с личинками и одну рамку с медом, чтоб у новой пчелиной семьи сразу было свое хозяйство. Потом мы вытряхнули из коробки весь рой прямо в улей на рамки, накрыли улей крышей и пошли домой.

Мы с Сережей и Павликом очень довольны, потому что если бы не мы, то рой улетел бы. Значит, и от нас тоже бывает польза.

23 июля

Вчера Нина Сергеевна сказала, чтоб мы внимательно следили за новой пчелиной семьей, так как рой иногда не приживается на новом месте и может улететь, чтоб найти для себя другое жилище. Сегодня мы нарочно пришли пораньше и стали следить.

И вот мы увидели, как из нового улья вылетела первая пчелка. Она обернулась в воздухе головкой к летку, как будто старалась запомнить, откуда она вылетела, потом стала кружиться в воздухе, как будто для того, чтобы запомнить место, где стоит улей, а потом уже улетела прочь. Тут стали вылетать и другие пчелы. Все они сначала кружились около улья, а потом улетали. Мы очень беспокоились, найдут ли пчелы дорогу в свой новый дом или полетят, по привычке, в старый улей, но через некоторое время пчелы стали возвращаться назад. Мы очень обрадовались. Значит, пчелам понравилось их новое жилище.

24 июля

С утра мы снова пришли на пасеку и любовались на своих пчел. Работа кипит в обоих ульях. Но в новом улье пчелы работают активнее. Каждая пчелка не теряет времени даром, а как только выползет из летка, сейчас же расправляет крылышки и быстро летит за медом.

Нина Сергеевна сказала, что рой в новом улье всегда проявляет большую

энергию, потому что пчелам надо успеть построить гнездо и собрать побольше меду на зиму.

25 июля

Дует ветер. Небо хмурится. Солнышко то выглянет, то спрячется в тучи. Иногда начинает накрапывать дождь. Пчелы в старом улье сидят и не хотят никуда вылетать. Но в новом улье работа не прекращается. Как только солнышко выглянет, пчелы начинают вылетать за медом. Молодцы! Пусть стараются.

Федя и Гриша вернулись из лагеря. Вот как быстро время прошло! Ну и удивились же они, когда увидели, что у нас теперь уже два улья. Они думали, что мы выписали еще одну пчелиную семью, но мы рассказали им, что это вылетел рой. Потом мы показали им газету с карточкой и письма, которые нам прислали ребята. Они очень обрадовались. Гриша сказал:

– Ну и дела пошли, а мы и не знали, что тут творится!

26 июля

Совсем плохая погода. Почти весь день шел дождь. Обе пчелиные семьи сидели в ульях и не летали за медом. Нам было скучно без пчел. Галя сказала, что сегодня мы всем нашим отрядом пойдем в кино смотреть новую картину.

После обеда Галя взяла на всех билеты, и мы ходили в кино.

27 июля

Вот и окончился главный медосбор. Липа уже отцвела. Теперь пчелам придется разыскивать какие-нибудь цветы в разных местах. Тут уж не наберешь много меду. Мы стали бояться, что новая пчелиная семья останется на зиму без меда, но Нина Сергеевна сказала, что ей можно будет уделить часть меда из старого улья. Мы проверили запасы меда, и оказалось, что меда хватит на обе семьи.

– Только вам самим уж не придется в этом году поесть своего меда, – сказала Нина Сергеевна.

– А мы и не хотим меда, – говорим мы. – Пусть лучше пчелам останется. Ведь они сами трудились, значит, это их мед.

– Вот и прекрасно, – сказала Нина Сергеевна. – Зато у пчел будут достаточные запасы на зиму. Пчелы хорошо перезимуют, а на следующий год соберут столько меда, что и для вас останется.

– Вот тогда-то мы и попробуем своего меда! – сказал Павлик.

– А где же будут зимовать наши пчелы? Для них, наверно, надо зимовник сделать? – спросил Юра.

– Один или два улья могут зимовать в хорошем сухом погребе или просто в землянке, – сказала Нина Сергеевна. – Под землей пчелам будет хорошо.

Мы решили с завтрашнего дня приняться за постройку землянки, чтоб нашим пчелам было помещение на зиму.

28 июля

С утра все ребята собрались на пасеке, и мы приступили к постройке землянки. Мы решили сначала выкопать в саду яму, потом накрыть эту яму досками, а сверху засыпать землей, чтобы внутрь не пробрался холод. Мы принесли лопаты и стали копать яму.

Земля была твердая. Мы провозились до вечера, но зато яма получилась хорошая. Юра придумал развести в яме костер, чтобы стены хорошенько просохли и в зимовнике не было сырости. Мы натаскали хворосту и разожгли в яме большой костер.

Все ребята разбрелись по саду, стали собирать сухие ветки и подбрасывать их в огонь. Скоро стемнело. Костер догорел. Мы забрались в яму, убрали золу, а потом уселись на дне и стали мечтать. Вверху над нами чернело небо, а на нем сверкали яркие звездочки. Ветер шумел в ветвях деревьев, а у нас в яме было тепло и уютно.

– А я буду скучать по пчелам зимой, – сказал Гриша. – Я к ним очень привык и полюбил их за то, что они такие хорошие маленькие труженики.

– Я тоже буду скучать по пчелам зимой, – сказал Федя.

– До зимы еще далеко, – ответил Толя. – А зимой мы будем учиться, и скучать будет некогда.

– А ведь правду сказал нам дедушка-пчеловод: «Кто начнет заниматься пчеловодством, тот никогда не бросит этого дела», – сказал Павлик. – Вот я,

например, – я уже твердо решил: когда вырасту, обязательно стану пчеловодом на колхозной пасеке. У меня будет много ульев, штук сто или двести. Скорее даже двести, чем сто!

– Тебе хорошо, – ответил Федя. – А мне как быть? Ведь я уже решил сделаться инженером, чтобы строить мосты, тоннели, каналы...

– Ну и что же? – говорю я. – Будь себе инженером, а дома у тебя будут ульи. Они ведь не помешают тебе.

– Конечно, – говорит Витя. – Вот я, например, буду художником и пчеловодом. Разве нельзя сразу по двум специальностям работать?

– Художнику хорошо! – ответил Женя. – А мне-то как быть? Я хочу быть летчиком.

– Ну и будь летчиком, – говорю я. – Не будешь же ты по целым дням на самолете летать. Полетаешь, полетаешь и домой прилетишь, посмотришь на своих пчел и опять полетишь куда надо.

– А если на несколько дней понадобится куда-нибудь лететь?

– Несколько дней пчелы и без тебя проживут. Они сами о себе могут заботиться. Им не нужна нянька.

– Летчику-то еще ничего, – сказал Юра. – Я вот хочу быть матросом или капитаном на пароходе, а пароход как уйдет в дальнее плавание, чуть ли не на весь год!

– А ты улей поставь на палубе, – говорю я. – Пусть он и стоит себе. Пока плывешь по морю или по океану, затыкай леток, чтобы пчелы не разлетелись, а как остановишься у берега, выпускай пчел, чтоб они на берегу покормились. Вот и хорошо будет.

Так мы разговаривали, и я всем доказал, что каждый может заниматься пчеловодством: и летчик, и шофер, и машинист, и шахтер. А потом я пошел домой и стал думать, как же мне самому быть. Ведь я уже решил работать в Арктике, а разве в Арктике могут жить пчелы? Там ведь нет ни цветов, ни деревьев, одни только льды да белые медведи. А потом я подумал, что, наверно, пока я вырасту, люди насадят в Арктике цветов и деревьев, так что и там можно будет разводить пчел. А если к тому времени не успеют насадить, то я сам насажу, а пока цветы вырастут, буду кормить пчел сахарным сиропом.

Обязательно разведу в Арктике пчел!

29 июля

Мы думали, что нам больше не будет писем, а сегодня вдруг снова письмо. Мы с утра пришли на пасеку, только Юра Кусков не пришел. Вдруг, смотрим, Юра бежит и размахивает конвертом в руке. Оказывается, он заходил в школу и получил письмо. Мы поскорей распечатали конверт и стали читать письмо вслух. Вот что там было написано:

«Дорогие друзья пионеры и школьники! Пишут вам пионеры из колхоза „Ленинский путь“. Мы прочитали про вас в газете и решили написать вам письмо. Дорогие ребята, нам очень совестно, что мы, колхозные пионеры, еще не устроили у себя пришкольную пасеку, в то время как вы, городские ребята, уже начали эту работу и у вас уже есть улей. Дорогие друзья, мы эту нашу ошибку исправим и уже договорились с колхозом, и колхоз выделяет для нашей школьной пасеки два улья с пчелами. Так что пасека у нас будет. Но не думайте, дорогие друзья, что мы все время сидели сложа руки и ничего не делали.

Наш колхоз находится далеко в степи. Природа у нас суровая: зимой трещат невыносимые морозы, дуют метели и надувают столько снега, что мы даже в школу ходим на лыжах. Летом дуют сильные суховеи, так что все сохнет и земля от жары трескается. Чтобы победить засуху, наши колхозники насаждают леса. Мы тоже решили в этом деле помочь родному колхозу и уже собрали шесть мешков отборных желудей для посадки дуба. Мы боремся с вредителями сельского хозяйства – сусликами. В этом году наш пионерский отряд уничтожил полторы тысячи сусликов и спас от гибели пятнадцать тонн зерна, так как каждый суслик съедает за лето до десяти килограммов зерна. И еще мы взяли шефство над колхозным телятником. У каждого пионера теперь есть по два подшефных теленка. Мы следим, как растут и развиваются наши подшефные четвероногие. При школе у нас есть сад и опытный огород. Все мы работаем в саду и на огороде и добиваемся, чтобы был большой урожай.

Дорогие ребята, мы знаем, что вы в городе тоже работаете – сажаете цветы и деревья, устраиваете сады и парки, а вот теперь, оказывается, даже начали разводить пчел. И это очень хорошо, дорогие друзья! Давайте еще лучше будем работать, вы там, а мы здесь, чтобы наша любимая Родина процветала и покрылась зеленью и садами, чтоб всего было много и всему нашему народу жилось хорошо, как учит нас наша партия.

На этом мы кончаем свое письмо. До свиданья, дорогие друзья! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!»

Мы прослушали письмо до конца, и все, как один, ответили:

– Всегда готовы!

А потом я пошел домой и стал думать об этом письме. Я долго думал и увидел, что мы, городские ребята, еще очень мало сделали и нам нужно еще очень много работать, чтобы сравняться с колхозными пионерами. Мне очень понравилось их письмо, и я решил переписать его в свой дневник на память. И вот я писал, писал – написал все, что здесь написано, и тут только заметил, что мой дневник кончается и мне негде больше писать.

Ну что ж, когда-нибудь я куплю еще одну толстую тетрадь и снова буду писать дневник. А сейчас на этом конец.

Писал пионер Коля Синицын.